

Дин Рэй Кунц Дверь в декабрь

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132424
Дверь в декабрь: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-45304-7*

Аннотация

Дьявольский эксперимент открыл дверь в наш мир чему-то ужасному. И когда ОНО приходило за очередной жертвой, ледяное дыхание иной реальности вымораживало не только воздух вокруг, но и души людей...

Детектив Дэн Холдейн, переживший множество потерь и поражений, но так и не сумевший примириться с насилием, на этот раз решил сделать все, чтобы спасти от неведомого врага девятилетнюю Мелани Маккэфри и ее очаровательную и мужественную мать Лауру. Но ненависть и жажда мести толкают таинственного убийцу на все новые преступления. ОНО приближается...

Содержание

Часть 1	4
Среда	4
1	4
2	7
3	10
4	15
5	20
6	27
7	32
8	37
9	38
10	39
Часть 2	43
Среда	43
11	43
12	48
13	52
14	55
15	59
16	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Дин Кунц

Дверь в декабрь

Часть 1

Серая комната

Герде, с которой я всегда открывал дверь в будущее

Среда
2.50—8.00

1

Одевшись, Лаура метнулась к входной двери и, открыв ее, увидела, как к тротуару перед ее домом подкатила патрульная машина управления полиции Лос-Анджелеса. Она вышла на крыльцо, захлопнула дверь, сбежала по ступенькам, и ее каблучки зацокали по дорожке.

Длинные стрелы холодного дождя пригвоздили ночь к городу.

Зонтик она с собой не взяла. Не помнила, в какой стенной шкаф засунула его, и не хотела тратить время на поиски.

Раскаты грома прокатывались по темному небу, но она едва замечала это зловещее громохание. Для нее самыми громкими ночными звуками были удары собственного сердца.

Водительская дверца черно-белого автомобиля открылась, из кабины вышел полицейский в форме. Увидев ее, вернулся за руль, перегнулся через пассажирское сиденье и открыл дверцу со стороны тротуара.

Она села рядом с полицейским, захлопнула дверцу. Холодной, трясущейся рукой откинула с лица прядь мокрых волос, заложила за ухо.

Патрульная машина благоухала дезинфицирующим средством с запахом сосны, сквозь который пробивалась вонь блевотины.

– Миссис Маккэффри? – спросил молодой полицейский.

– Да.

– Карл Куэйд. Я отвезу вас к лейтенанту Холдейну.

– И к моему мужу? – озабоченно спросила она.

– Об этом я ничего не знаю.

– Мне сказали, что они нашли Дилана, моего мужа.

– Вполне возможно. Лейтенант Холдейн вам все расскажет.

Она поперхнулась, прикрыла рот рукой.

– Прошу извинить за вонь. Этим вечером арестовал парня за управление автомобилем в пьяном виде, так он еще и повел себя как свинья.

Ее желудок поднялся к горлу вовсе не из-за запаха. Ей стало нехорошо совсем по другой причине: несколько минут назад кто-то из полицейских сообщил по телефону, что они нашли ее мужа, но не упомянул Мелани. А если Мелани не с Диланом, то где она? Потерялась? Умерла? Нет. Немыслимо. Лаура, прижимая руку ко рту, скрипнула зубами, задержала дыхание, подождала, пока тошнота отступит.

– Куда... куда мы едем?

– В один дом в Студио-Сити. Недалеко.

– В котором они нашли Дилана?

– Если вам сказали, что нашли его, скорее всего, да.

– Как смогли они его засечь? Я не знала, что его искали. Полиция сказала мне, что повода вмешиваться у них нет... Это не по их части. Я уже думала, что у меня нет шансов когда-нибудь увидеть его... или Мелани.

– Вам нужно поговорить с лейтенантом Холдейном.

– Дилан, должно быть, ограбил банк. – Она не скрывала горечи. – Похищения ребенка у матери недостаточно для того, чтобы привлечь полицию.

– Пристегните ремень безопасности, пожалуйста.

Лаура нервно схватилась за ремень, защелкнула его, Куэйд отъехал от тротуара, развернулся на пустынной, залитой дождем улице.

– Так что вы можете сказать о Мелани? – спросила она.

– О ком?

– О моей дочери. Она в порядке?

– Извините, я и об этом ничего не знаю.

– Так ее не было с моим мужем?

– Думаю, что нет.

– Я не видела ее... почти шесть лет.

– Спор об опеке? – спросил он.

– Нет. Он ее похитил.

– Правда?

– Ну, закон называет это спором об опеке, но, по моему разумению, это похищение, и ничто другое.

Злость и негодование охватывали ее, как только она начинала думать о Дилане. Лаура постаралась отогнать эти чувства, постаралась не испытывать к нему ненависти, потому что в голову внезапно пришла безумная мысль: Бог наблюдает за ней, Он судит о ней по чувствам и делам, и, если она позволит ненависти накрыть ее с головой или злобе заполнить разум, Он решит, что она недостойна воссоединения с маленькой дочерью. Безумие, конечно. Но она ничего не могла с собой поделать. Страх сделал ее безумной. И отнял у нее все силы. Она так ослабела, что не могла набрать полную грудь воздуха.

Дилан... Лаура задалась вопросом, чего ждать от первой за столько лет встречи лицом к лицу. Он попытается объяснить свое предательство? И что скажет она? Сможет выразить словами переполняющие ее ярость и боль?

Дрожь начала бить Лауру после телефонного звонка, но теперь ее просто трясло.

– Вы в порядке? – спросил Куэйд.

– Да, – солгала она.

Куэйд промолчал. С включенной мигалкой, но без сирены, они мчались по залитой дождем западной части города. Если пересекали глубокую лужу, вода летела в обе стороны, покрываясь белой пеной.

– Ей сейчас уже девять лет, – нарушила затянувшееся молчание Лаура. – Моей дочери. Я не могу сказать, как Мелани сейчас выглядит. В последний раз видела ее трехлетней.

– Извините. Я не заметил там маленькой девочки.

– Каштановые волосы. Зеленые глаза.

Коп промолчал.

– Мелани должна быть с Диланом! – воскликнула Лаура, разрываясь между радостью и ужасом. Радовалась, что снова увидит дочь, боялась, что она мертва. Лауре так часто снился такой сон: она находит обезображенный труп Мелани. И теперь она подозревала, что сон

этот – вещий, знак свыше. – Она должна быть с Диланом. С ним она провела все эти годы, шесть долгих лет, так почему сейчас ей не быть с ним?

– Мы будем на месте через несколько минут, – разлепил губы Куэйд. – Лейтенант Холдейн ответит на все ваши вопросы.

«Они не стали бы будить меня в половине третьего ночи, вытаскивать из дома в грозу, если бы не нашли и Мелани. Уверена, что не стали бы».

Куэйд смотрел на дорогу, и его молчание пугало ее сильнее любых слов.

Скрипучие «дворники» не могли полностью очистить лобовое стекло. Прилипшая к нему жировая пленка искажала окружающий мир, и Лауре казалось, что едут они во сне, а не наяву.

У нее вспотели ладони. Она вытерла их о джинсы. Чувствовала, как пот выступает под мышками, течет по бокам. Вновь скрутило желудок, тошнота снова подкатила к горлу.

– Она ранена? У нее серьезная травма? Так? Поэтому вы не хотите ничего о ней говорить?

Куэйд искоса глянул на нее.

– Честное слово, миссис Маккэффри, я не видел в доме маленькой девочки. Я от вас ничего не скрываю.

Лаура обмякла, откинувшись на спинку сиденья.

Слезы уже выступили на глазах, но она приказала себе не плакать. Слезы означали бы признание в том, что она потеряла всякую надежду найти Мелани живой, а если она теряла надежду (еще одна безумная мысль), то на нее ложилась ответственность за смерть ребенка, потому что (еще безумнее) Мелани, возможно, продолжала существовать, как Динь-Динь в сказочной повести «Питер Пэн», поддерживаемая лишь постоянной и страстной верой. Лаура понимала, что охвачена тихой истерией. Сама идея о том, что жизнь Мелани зависит от материнской веры и сдерживания слез, была нелепой и иррациональной, но Лаура ухватила за нее, подавила слезы, снова и снова твердила себе, что Мелани жива.

«Дворники» монотонно поскрипывали по стеклу, дождь глухо барабанил по крыше, шины шуршали по мокрой мостовой, а Студио-Сити, похоже, находился никак не ближе Гонконга.

* * *

Они свернули с бульвара Вентуры в Студио-Сити, район, где смешалось множество архитектурных стилей: испанский, кейп-код, колониальный, постмодерн. Название свое эта часть города получила в честь «Рипаблик студиос», с которой началась киноиндустрия и где до телевизионной эры снимались многие малобюджетные вестерны. Новыми жителями Студио-Сити становились сценаристы, художники, операторы, музыканты, техники, беженцы из районов, которые все более приходили в упадок, и теперь, при строительстве домов, они устраивали негласное соревнование со старожилками Студио-Сити. То есть ни о каком стилевом единообразии не могло быть и речи.

Патрульный Куэйд остановил машину перед скромным домом-ранчо на тихой боковой улице, усаженной деревьями. Часть из них по случаю зимы осталась без листвы, другие, вечнозеленые, ее сохранили. Несколько автомобилей стояли у тротуара, включая два «Форда»-седана горчичного цвета, две черно-белые патрульные машины, один серый фургон с гербом города на борту. Но взгляд Лауры поймал и приковал другой фургон, с надписью «КОРОНЕР»¹ на задних дверцах.

О господи, пожалуйста, нет. Нет!

¹ **Коронер** – следователь, производящий дознание в случае насильственной или скоропостижной смерти.

Лаура закрыла глаза, стараясь поверить, что все это – часть сна, из которого так резко вырвал ее телефонный звонок. Собственно, звонок из полиции вполне мог быть частью кошмара. В этом случае патрульный Куэйд был еще одной его частью. И этот дом тоже. Ей надо только проснуться, и тогда все исчезнет: и звонок, и телефонный разговор, и Куэйд, и дом, и все, все, все.

Но, когда Лаура открыла глаза, фургон коронера остался на прежнем месте. Окна дома были закрыты плотными портьерами, но фронтон озарялся ярким светом портативных прожекторов, серебрившим вьюны, которые закрывали стены.

На тротуаре стоял полицейский в дождевике. Еще один находился под свесом крыши над площадкой перед входной дверью. Им поставили задачу не подпускать к дому зевак, но плохая погода и поздний час взяли эту работу на себя.

Куэйд вышел из машины, но Лаура застыла на сиденье.

Он наклонился, заглянул в кабину.

– Это тот самый дом.

Лаура кивнула, но не сдвинулась с места. Она не хотела входить в дом. Знала, что там найдет. Мелани. Мертвую.

Куэйд подождал несколько мгновений, потом обошел патрульную машину, открыл дверцу, протянул Лауре руку. Ветер забрасывал в кабину холодные капли.

– Миссис Маккэффри? – нахмурился патрульный. – Вы плачете?

Она не могла отвести глаз от фургона коронера. Если он уедет с маленьким тельцем Мелани, то увезет с собой все надежды Лауры и оставит ее такой же мертвой, как и дочь.

– Вы солгали мне. – Голос ее дрожал, словно осенний лист на ветру.

– Я? Нет, в общем-то, нет.

Она не смотрела на него. Куэйд всосал воздух между стиснутыми зубами.

– Ну, мы расследуем дело об убийстве. Так что пара трупов у нас есть.

Крик рвался из груди Лауры, но она сдержала его. У нее защемило сердце.

Куэйд же быстро продолжил:

– Но вашей маленькой девочки в доме нет. Она не погибла. Честное слово, среди трупов ее нет.

Лаура наконец-то встретила с ним взглядом. Вроде бы лицо искреннее. Да и не было ему смысла врать, потому что правду она могла узнать очень скоро, переступив порог.

Она выбралась из патрульной машины.

Взяв Лауру за руку, патрульный Куэйд повел ее к входной двери. Дождь стучал по мостовой и крышам, словно барабаны похоронной процессии.

2

Охранник прошел в дом, чтобы вызвать лейтенанта Холдейна. Лаура и Куэйд остались под свесом крыши, защищавшим от дождя и частично от ветра.

Ночь пахла озоном и розами. Побегу вьющейся розы обвивали стойки перед домом, а в Калифорнии большинство сортов цвели даже зимой. Намокшие под дождем лепестки пригибали цветки к земле.

Холдейн появился без задержки. Высокий, широкоплечий, крепко сбитый, с короткими русыми волосами и широким доброжелательным лицом ирландца. Синие глаза напоминали два стеклянных овала, и Лаура задалась вопросом: а вдруг они выглядят такими безжизненными лишь благодаря увиденному в доме?

В твидовом пиджаке спортивного покроя, белой рубашке, галстук с ослабленным узлом, серых слаксах и черных мокасинах, он, за исключением глаз, ассоциировался не с

копом, а скорее с каким-нибудь соседом-добряком. Способствовала такому впечатлению и теплота, которая наполняла мимолетную улыбку.

– Доктор Маккэффри? Я – Дэн Холдейн.

– Моя дочь...

– Мелани мы пока не нашли.

– Она не...

– Что?

– Мертва?

– Нет, нет. Господи, да нет же. Только не ваша дочка. В этом случае я бы не обратился к вам с просьбой приехать сюда.

Облегчения Лаура не почувствовала, потому что не знала, можно ли ему верить. Она видела, что он на взводе. Должно быть, в этом доме произошло что-то ужасное. А если они не нашли Мелани, то зачем было привозить ее сюда в такой час? В чем же, собственно, дело?

Холдейн отпустил Карла Куэйда, который под дождем вернулся к патрульной машине.

– Дилан? Мой муж? – спросила Лаура.

Холдейн отвел глаза.

– Да, мы думаем, что нашли его.

– Он... мертв?

– Ну... да. Вероятно, это он. У нас есть тело с его удостоверением личности, но точно сказать, что это он, мы не можем. Мы должны свериться с его зубной картой и сравнить отпечатки пальцев.

Новость о смерти Дилана, как это ни удивительно, не произвела на нее особого впечатления. Ощущения потери не возникло, потому что последние шесть лет она его ненавидела. Но его смерть не принесла и радости: ей не хотелось прыгать от восторга, не появилось и чувства удовлетворенности, ощущения, что Дилан получил по заслугам. Сначала она его любила, потом ненавидела, теперь на смену любви и ненависти пришло безразличие. Она совершенно ничего не чувствовала, и вот это, пожалуй, более всего огорчало ее.

Ветер изменил направление. Начал забрасывать капли ледяного дождя под свес крыши. Холдейн увлек Лауру к самой стене.

Она задалась вопросом: а чего они не идут в дом? Похоже, там было что-то такое, чего ему не хотелось ей показывать. Что-то слишком ужасное? Что же, во имя Господа, произошло в этом доме?

– Как он умер? – спросила она.

– Его убили.

– Кто это сделал?

– Мы не знаем.

– Застрелили?

– Нет. Его... забили до смерти.

– Господи! – Ей стало нехорошо. Она привалилась к стене. Потому что ноги внезапно подогнулись.

– Доктор Маккэффри? – В голосе офицера слышалась тревога, он взял ее под руку, готовый оказать помощь, если таковая потребуется.

– Все нормально. Но я думала, что Дилан и Мелани будут вместе. Дилан забрал ее у меня.

– Я знаю.

– Шесть лет тому назад. Он закрыл наши общие банковские счета, бросил работу и сбежал. Потому что я хотела с ним развестись. А он не хотел отдавать мне Мелани.

– Когда мы ввели его имя и фамилию в поисковую систему, она выдала нам его досье. У меня не было времени вникать в подробности, но с основными фактами я успел ознакомиться, так что в курсе событий.

– Он погубил свою жизнь, отказался от карьеры и всего остального, чтобы сохранить Мелани. Конечно же, она должна по-прежнему быть с ним. – В голосе Лауры слышалось отчаяние.

– Она была. Она жила здесь, с ним, в этом доме...

– Жила здесь? *Здесь?* В десяти или пятнадцати минутах езды от меня?

– Совершенно верно.

– Но я нанимала частных детективов, нескольких, и никто не смог...

– Иногда оптимальный вариант – держаться поближе к месту похищения, – заметил лейтенант Холдейн.

– Я думала, что он покинул страну, перебрался в Мексику или куда-то еще, а они все это время жили рядом со мной.

Ветер стих, дождь усилился, но теперь капли падали вертикально. Лужайка медленно, но верно превращалась в озеро.

– Мы нашли одежду маленькой девочки. Несколько книг, соответствующих ее возрасту, – объяснил лейтенант Холдейн. – Пачку овсяных хлопьев «Граф Чокула», которые, я уверен, никто из взрослых есть бы не стал.

– Никто из взрослых? В доме, помимо Дилана и Мелани, еще кто-то жил?

– Мы не уверены. Но есть... и другие тела. Мы думаем, здесь жил еще один человек, потому что мы нашли мужскую одежду двух размеров. Один подходит вашему мужу, второй – одному из других мужчин.

– Сколько всего тел?

– Еще два. Всего три.

– И все забиты до смерти?

Он кивнул.

– И вы пока не знаете, где Мелани?

– Пока не знаем.

– Тогда, возможно... тот или те, кто убил Дилана и остальных, увел ее с собой?

– Такое возможно.

Даже если Мелани жива, она в заложницах у убийцы. Может, не просто убийцы, но и насильника.

Нет. Ей же всего девять лет. Зачем она насильнику? Она еще ребенок.

Разумеется, в наше время сие не имело ровно никакого значения. По городам бродили звери в человеческом образе. Монстры охотились на детей, им особенно нравились маленькие девочки.

Внутри у нее все похолодело.

– Мы должны ее найти. – У Лауры так сел голос, что она едва узнала его.

– Мы пытаемся, – заверил ее Холдейн.

Теперь она видела в его синих глазах симпатию и сочувствие, но ее это не утешало.

– Я бы хотел, чтобы вы прошли со мной в дом, – добавил он, – но должен предупредить, зрелище не из приятных.

– Я – врач, лейтенант.

– Да, но психиатр.

– И при этом врач. У всех психиатров медицинское образование.

– Что ж, оно и к лучшему. Я как-то не подумал.

– Полагаю, вы хотите, чтобы я опознала тело Дилана.

– Нет. Я не собирался просить вас взглянуть на тело. Состояние... Визуально опознать его невозможно. Я хотел показать вам другое, в надежде, что вы сможете объяснить, как это надо понимать.

– Показать что?

– Нечто странное, – ответил он. – Нечто чертовски странное.

3

В доме ярко горели все лампы: под потолком, на стенах, на столах. После ночной темноты Лауре даже пришлось прищуриться. Она увидела, что гостиная обставлена уютно, но не в одном стиле. Геометрические фигуры обивки дивана совершенно не гармонировали с цветочками занавесок. Зеленые ковер и стены не совпадали оттенками. Только две сотни книг на полках, похоже, подбирались с любовью. В остальном гостиная напоминала сценическую декорацию, которую торопливо собрали для спектакля с маленьким бюджетом.

– Пожалуйста, ничего не трогайте, – предупредил Лауру Холдейн.

– Если вы не хотите, чтобы я опознала Дилана...

– Как я и говорил, едва ли вам это удастся.

– Почему?

– Нечего там опознавать. От лица просто ничего не осталось.

– Господи!

Они стояли в прихожей, у арки, ведущей в гостиную. Холдейну определенно не хотелось вести ее дальше, как чуть раньше, когда они стояли под свесом крыши, не хотелось приглашать в дом.

– У него были какие-то особые приметы?

– Участок лишенной пигмента кожи...

– Родимое пятно?

– Да.

– Где?

– На груди, посередине.

Холдейн покачал головой:

– Скорее всего, нам это не поможет.

– Почему?

Он посмотрел на нее, потом взгляд его уперся в пол.

– Я – врач, – напомнила она ему.

– Его грудь буквально сплющена.

– От побоев?

– Да. Все ребра сломаны, и не единожды. Грудина раздроблена, как тарелка из китайского фарфора.

– Раздроблена?

– Да. Именно так, доктор Маккэффри. Я говорю не о трещинах или переломах. Грудина именно раздроблена. Словно была стеклянной.

– Это невозможно.

– Видел это собственными глазами. О чем могу только сожалеть.

– Но грудина – крепкая кость. В человеческом теле она и череп выполняют роль брони.

– Убийцей был чертовски сильный сукин сын.

Лаура покачала головой.

– Нет. Можно раздробить грудину в автомобильной аварии, где мощность удара невероятно велика, если столкновение происходит на скорости пятьдесят или шестьдесят миль в час. Но избить человека до такой степени невозможно...

– Мы предположили, что убийца орудовал свинцовой трубой или...

– Невозможно, – повторила она. – Раздроблена? Конечно же, нет.

«Мелани, моя маленькая Мелани. Что с тобой случилось, куда тебя увезли, увижусь ли я с тобой вновь?»

Она содрогнулась:

– Послушайте, если вам не нужно, чтобы я опознала Дилана, я просто представить себе не могу, чем еще могу вам помочь...

– Как я и говорил, мне хочется вам кое-что показать.

– Что-то странное?

– Да.

Однако он держал ее в прихожей и даже пытался загородить собственным телом арку, ведущую в гостиную. В нем явно боролись две силы. С одной стороны, ему хотелось получить ответы на интересующие его вопросы, которые она могла ему дать, с другой – он опасался подвергать ее шоку, который она могла испытать, увидев место преступления.

– Я не понимаю. Странное? В каком смысле?

Холдейн на вопрос не ответил.

– По работе вы и он занимались одним и тем же?

– Не совсем.

– Он был психиатром, не так ли?

– Нет. Психологом, который занимался вопросами поведения людей. Особенно Дилана интересовали методы воздействия на поведение людей и способы его изменения.

– А вы – психиатр, по образованию врач.

– Моя специализация – лечение детей.

– Да, я понимаю. Разные области.

– Совершенно.

Лейтенант нахмурился.

– Ладно, побывав в его лаборатории, вы все-таки сможете сказать мне, чем занимался там ваш муж.

– Лаборатории? Он здесь и работал?

– Он здесь *только* работал. Не думаю, что пребывание вашего мужа и дочери в этом доме можно назвать нормальной жизнью.

– Работал? И что же он делал?

– Проводил какие-то эксперименты. Мы не можем в этом разобраться.

– Так пойдемте посмотрим.

– Зрелище... жуткое, – он пристально смотрел на нее.

– Я же говорила... я – врач.

– Да, а я – коп, и коп видит больше крови, чем врач, но от того, что мы там нашли, мне стало дурно.

– Лейтенант, вы привезли меня сюда, и теперь вам не удастся избавиться от меня, пока я не узнаю, что мой муж и моя маленькая дочка делали в этом доме.

Он кивнул:

– В таком случае нам сюда.

Она последовала за ним мимо гостиной, подальше от кухни, в короткий коридор, где стройный, симпатичный латинос командовал двумя мужчинами в униформе с надписью «СЛУЖБА КОРОНЕРА» на спине. Они укладывали труп в матовый пластиковый мешок. Один из мужчин застегнул «молнию». Сквозь непрозрачную поверхность Лаура видела лишь контуры мужского тела да несколько крупных потеков крови.

Дилан?

– Это не ваш муж, – Холдейн словно прочитал ее мысли. – У этого человека не было никаких документов. Так что установить личность мы сможем только по отпечаткам пальцев, если они есть в нашей картотеке.

Она видела кровь на стенах, на полу, много крови, так много, что Лауре казалось, будто она не в реальном доме, а перенеслась в какой-то эпизод из плохого фильма-ужастика.

По центру коридора постелили пластиковую дорожку, чтобы следователи и технические эксперты не наступили на кровь и не вымазали подошвы.

Холдейн искоса глянул на нее, и она изо всех сил попыталась скрыть от него свой страх.

Неужто Мелани была здесь, когда убивали этих людей? Если да, если сейчас она с мужчиной (*мужчинами?*), который это сделал, ее тоже ждет смерть, потому что она – свидетельница преступления. Даже если она ничего не видела, убийца покончит с ней, когда... она ему надоест. Сомнений в этом быть не могло. Он убьет ее, потому что это убийство доставит ему удовольствие. Судя по тому, что она сейчас видела, убийца – психопат. Ни один человек в здравом уме не стал бы убивать с такой жестокостью, проливая реки крови, наслаждаясь ее видом.

Оба сотрудника службы coronera вышли из дома, чтобы взять каталку и увезти на ней труп.

Стройный латинос в черном костюме повернулся к Холдейну. Голос у него оказался на удивление сильным.

– Мы все обследовали, лейтенант, сфотографировали, сняли, где могли, отпечатки пальцев. Теперь выносим тела.

– Предварительное обследование позволило получить что-нибудь интересное, Джой? – спросил Холдейн.

Лаура предположила, что Джой – полицейский патологоанатом, хотя чувствовалось, что он слишком уж потрясен для человека, привычного к сценам насильственной смерти.

– Такое ощущение, что все кости тела сломаны как минимум по одному разу, – начал Джой. – Один перелом над другим, их сотни, невозможно установить, как много. Я уверен, что вскрытие покажет перфорацию внутренних органов, повреждение печени... – он бросил короткий взгляд на Лауру, не зная, стоит ли продолжать.

Она надеялась, что ее лицо – бесстрастная маска, отражающая только профессиональный интерес и скрывающая истинные чувства: ужас и смятение.

– Размозженный череп, зубы переломаны и частично выбиты, один глаз вытек.

Лаура увидела на полу каминную кочергу.

– Это орудие убийства?

– Мы так не думаем, – ответил Холдейн.

– Кочергу этот парень держал в руке. Нам пришлось потрудиться, чтобы разжать его пальцы. Он пытался защищаться, – пояснил Джой.

Они помолчали, глядя на матовый пластиковый мешок. Монотонный стук капель дождя по крыше чем-то напоминал далекий грохот огромных ворот, которые отворяются во сне, открывая глазу загадочные и опасные земли.

Двое мужчин вернулись с каталкой. Одно из колес разболталось и постукивало по полу. Звук этот действовал на и без того натянутые нервы.

От короткого коридора отходили три двери, одна – в дальнем торце, две – в боковых стенах. Все три были приоткрыты. Холдейн повел Лауру мимо трупа к комнате в конце коридора.

Несмотря на теплый свитер и пиджак на подкладке, Лауре было холодно. Она просто замерзала. Руки побелели до такой степени, что не отличались от рук мертвеца.

Она знала, что система кондиционирования работает, потому что чувствовала теплый воздух, идущий из вентиляционных отверстий, когда проходила мимо них, поэтому понимала, что источник холода находится в ее теле.

Комната когда-то была кабинетом, но ныне превратилась в образчик хаоса и уничтожения. Металлические ящики бюро выдернули из ячеек, смяли, согнули. Ручки оторвали. Содержимое разбросали по полу. Тяжелый письменный стол из орехового дерева с хромированными металлическими частями лежал на боку. Две металлические ножки погнули, дерево в некоторых местах треснуло, топорщилось щепками, словно стол рубили топором. Пишущую машинку швырнули в стену с такой силой, что несколько букв выскочили и впились в обои. Всюду валялись бумаги, графики, страницы с какими-то рисунками и записями, сделанными мелким, каллиграфическим почерком. Многие из этих листов порвали, измяли, свернули в плотные шарики. И везде была кровь – на полу, на мебели, на бумагах, на стенах, даже на потолке. В комнате стоял резкий, неприятный запах.

– Господи! – выдохнула Лаура.

– Я хотел показать вам соседнюю комнату. – Лейтенант направился к двери в дальней стене разрушенного кабинета.

Она заметила на полу еще два матовых пластиковых мешка.

Обернувшись к ней, Холдейн повторил:

– Соседнюю комнату.

Лауре не хотелось останавливаться, но она остановилась. Не хотела смотреть на два уложенных в пластиковые мешки тела, но посмотрела.

– Один из них... Дилан?

Холдейн, уже подошедший к двери, вернулся.

– Вот у этого человека, – он указал на один из мешков, – мы нашли удостоверение личности Дилана Маккэффри. Но наверняка вам не хочется увидеть его в таком виде.

– Нет, не хочется, – согласилась она, перевела взгляд на второй мешок. – А это кто?

– Согласно водительскому удостоверению и кредитным карточкам в бумажнике, его звали Вильгельм Хоффриц.

Она изумилась.

Должно быть, изумление это отразилось на ее лице, потому что Холдейн спросил:

– Вы его знаете?

– Он работал в университете. Один из... коллег моего мужа.

– В ЛАКУ?²

– Да. Дилан и Хоффриц вели совместные исследования. Они разделяли некоторые... навязчивые идеи.

– Я отмечаю осуждение в вашем тоне?

Она промолчала.

– Вы не любили Хоффрица? – не унимался Холдейн.

– Я его презирала.

– Почему?

– Он был самодовольным, самоуверенным, высокомерным, напыщенным, наглым недомерком.

– Что еще?

– Разве этого мало?

– Вы не из тех женщин, которые с легкостью используют слово «презирать».

² ЛАКУ – Лос-Анджелесский калифорнийский университет.

Встретившись с ним взглядом, она увидела острый и пронизательный ум, чего не замечала раньше. Закрыла глаза. Прямой взгляд Холдейна приводил в замешательство, но смотреть куда-то еще не хотелось, потому что все остальное марала кровь.

– Хоффриц верил в централизованное социальное планирование. Он интересовался использованием психологии, наркотиков и различных видов воздействия на подсознание с целью перевоспитания и направления масс.

Холдейн долго молчал, потом спросил:

– Контроль разума?

– Совершенно верно. – Глаз она не открывала, голову наклонила. – Он был элитистом³. Нет, это слишком доброе слово. Он был тоталитаристом. Из него вышел бы отменный нацист или коммунист. Без разницы. В политике он признавал только грубую силу. Стремился к контролю над обществом.

– В ЛАКУ проводят такие исследования?

Она открыла глаза и увидела, что он не шутит, вопрос задан серьезно.

– Естественно. Это же крупный университет. Свободный университет. Там не признают никаких ограничений по части направления научных исследований, при условии, что ты обеспечишь их финансирование.

– Но последствия таких исследований...

Она с горечью улыбнулась:

– Практические результаты. Научные прорывы. Получение новых знаний – вот что заботит настоящего ученого, лейтенант. Не последствия.

– Вы говорите, ваш муж разделял некоторые навязчивые идеи Хоффрица. То есть он тоже активно занимался исследованиями по обретению контроля над человеческим разумом?

– Да. Но он не был таким фашистом, как Хоффриц. Его больше интересовало воздействие на поведение преступников как средство снижения уровня преступности. По крайней мере, я думала, что его это интересовало. Об этом Дилан говорил чаще всего. Но чем больше Дилан вовлекался в этот проект, тем меньше говорил о нем, словно разговоры отнимали энергию, необходимую для работы.

– Он получал государственные гранты?

– Дилан? Да. И он, и Хоффриц.

– Пентагон?

– Возможно. Но первоначально он не ориентировался на оборонные проекты. С какой стати? Какое они могли иметь к нему отношение?

Холдейн не ответил.

– Вы говорили, что ваш муж ушел из университета. А потом убежал с вашей дочерью.

– Да.

– А теперь выясняется, что он по-прежнему работал с Хоффрицем.

– Хоффриц более не связан с ЛАКУ, ушел оттуда три или четыре года тому назад, может, раньше.

– Что случилось?

– Я не знаю. Мне говорили, что ему вроде бы предложили более интересную работу. Но у меня создалось впечатление, что его попросили уйти.

– Почему?

– Ходили слухи... из-за нарушения профессиональной этики.

– А конкретнее?

– Я не знаю. Спросите кого-нибудь в ЛАКУ.

³ Элитист – от элиты, сторонник создания некой отборной группы граждан для правления всем обществом.

– А вы никак не связаны с университетом?

– Нет. Исследованиями я не занимаюсь. Работаю в детской больнице Святого Марка. Кроме того, у меня небольшая частная практика. Возможно, поговорив с кем-нибудь из ЛАКУ, вы сможете узнать, почему там пожелали расстаться с Хоффрицем.

Она более не испытывала тошноты, обилие крови не волновало ее. Собственно, она перестала замечать кровь. Слишком много ужаса открылось глазам Лауры, вот ее чувства и притупились. Один труп и одна капля крови подействовали бы на нее куда сильнее, чем эта вонючая бойня. Она теперь понимала, почему копы так быстро становятся невосприимчивыми к сценам кровавого насилия. Ты или адаптируешься, или сходишь с ума, и второй вариант, по большому счету, совсем и не вариант.

– Я думаю, ваш муж и Хоффриц работали вместе, – сказал Холдейн. – Здесь. В этом доме.

– И что они делали?

– Точно сказать не могу. Поэтому и попросил вас приехать. Поэтому и хочу, чтобы вы осмотрели лабораторию в соседней комнате. Может быть, вы скажете мне, чем они тут занимались.

– Давайте поглядим.

Он помялся:

– И вот что еще...

– Что?

– Я думаю, ваша дочь участвовала в их экспериментах.

Лаура молча смотрела на него.

– Я думаю, они... использовали ее.

– Как?

– Вот это я и хочу услышать от вас, – ответил детектив. – Я – не ученый. Знаю лишь то, что можно прочесть в газетах. Но, прежде чем мы войдем туда... должен вам сказать, что некоторые из этих экспериментов были... болезненными.

«Мелани, чего они от тебя хотели, что с тобой сделали, куда увезли?»

Она глубоко вдохнула.

Вытерла мокрые от пота ладони о пиджак.

Последовала за Холдейном в лабораторию.

4

Дэн Холдейн удивлялся, с какой легкостью эта женщина приспосабливается к ситуации. Ладно, она получила медицинское образование, но многие врачи не привыкли шагать по крови. И, попадая туда, где с особой жестокостью убили нескольких человек, врачи в большинстве своем вели себя точно так же, как и обычные граждане. А потому отнюдь не медицинское образование помогало Лауре Маккэффри сохранять самообладание. Эта женщина отличалась невероятной стойкостью, которая безмерно восхищала Дэна. Ее дочь пропала, возможно, ранена, может, даже убита, но, не получив ответы на все важные вопросы, касающиеся Мелани, она не собиралась отступать или дать волю эмоциям. Да, Лаура определенно ему нравилась.

А ведь она была еще и красоткой, пусть и не пользовалась косметикой, а каштановые волосы намокли от дождя и висели патлами. В свои тридцать шесть она выглядела моложе. И эти зеленые глаза, ясные, открытые, пронизательные, прекрасные. Пусть в них и застыл ужас.

Дэн понимал, что увиденное в лаборатории только усилит тревогу женщины, и ругал себя за то, что вел ее туда. Но именно для этого он и позвонил Лауре глубокой ночью. Хотя

она не видела мужа шесть лет, вряд ли кто знал его лучше, чем она. А будучи психиатром, она могла понять, какие эксперименты и исследования проводил здесь Дилан Маккэффри. И у Дэна было предчувствие, что он не сможет найти убийцу, да и Мелани тоже, не поняв, чем занимался Дилан Маккэффри.

Лаура следом за ним переступила порог.

Как только они очутились в серой комнате, Дэн пристально наблюдал за лицом Лауры. Отметил изумление, недоумение, неуверенность.

В гараже на два автомобиля ворота заложили кирпичом, превратив в глухую стену. Получилась большая комната без единого окна, совершенно безликая, где не было ни одного предмета, за который мог бы зацепиться глаз. Серый потолок. Серые стены. Флуоресцентные лампы под потолком за серыми пластиковыми панелями. Даже ручки сдвижных дверей стальных шкафов выкрасили в серый цвет. Той же краской покрыли и металлические сетки вентиляционных каналов. Без краски они бы слишком блестели. Во всей комнате Лаура не обнаружила ни единого цветового пятна. В результате создавалось ощущение, что никакая это не комната. А гроб.

Из установленного здесь оборудования наибольшее впечатление производил металлический резервуар, чем-то напоминающий первые установки «Искусственное легкое», но гораздо больших размеров. Цветом он не отличался от стен. От него в пол уходили трубы, а электрический кабель спускался от распределительного щитка на потолке. Передвижная лесенка из трех ступенек обеспечивала доступ к поднятому над уровнем пола входному люку с откинутой крышкой.

Лаура поднялась по ступенькам, заглянула внутрь.

Дэн знал, что она там найдет: черный интерьер, освещаемый слабым светом, попадающим в резервуар через люк. Звуки воды, которая начала плескаться благодаря вибрации, передаваемой от лесенки к стенке. Влажный солевой запах.

– Знаете, что это? – спросил он.

Лаура спустилась вниз.

– Конечно. Камера, в которой органы чувств человека перестают поставлять в мозг какую-либо информацию.

– И что он с ней делал?

– Вы хотите сказать, каково ее научное применение?

Дэн кивнул.

– Ну, на несколько футов резервуар заполняется водой... На самом деле берется десятипроцентный водяной раствор сульфата магния, чтобы обеспечить оптимальную подъемную силу. Раствор нагревается до девяноста трех градусов по Фаренгейту, то есть температуры, при которой воздействие гравитации на плавающее тело минимально. Или, в зависимости от природы эксперимента, воду можно нагреть до девяноста восьми градусов, чтобы свести к нулю разницу между температурой тела и воды. Потом субъект...

– Человек... не животное?

Вопрос ее, несомненно, удивил. Дэн Холдейн почувствовал себя необразованной деревенщиной, но Лаура не стала стыдить его, да и в голос ее не прокралось раздражение, так что настроение у него сразу улучшилось.

– Да. Человек. Не животное. Далее, когда вода готова, человек раздевается, входит в камеру, закрывает за собой дверцу и плавает в полной темноте, в полной тишине.

– Зачем?

– Чтобы лишиться себя сенсорной подпитки. Ничего не видно. Ничего не слышно. Нет информации, связанной со вкусом, или она минимальна. Самый минимум дает осязание. Нет ощущения веса, места, времени.

– Но зачем кому-то это могло понадобиться?

– Поначалу, когда появились первые подобные резервуары, эти эксперименты проводились для того, чтобы понять, что происходит, когда человек практически лишен возможности получать информацию извне.

– Да? И что же происходило?

– Совсем не то, что ожидали экспериментаторы. Никакой клаустрофобии, никакой паранойи. Короткий момент страха, да, но потом... не такая уж неприятная временная и пространственная дезориентация. Ощущение дискомфорта пропадало через минуту или около того. У некоторых субъектов возникало ощущение, что они не в маленькой камере, а в огромной, бескрайней. При отсутствии внешних источников информации мозг переключается на себя, начинает исследовать совершенно новый мир внутренней информации.

– Галлюцинации?

На какие-то мгновения тревога исчезла. Ее профессиональный интерес к функционированию мозга не вызывал сомнений, и Дэн понимал: если бы она выбрала карьеру учителя, студенты ломались бы на ее лекции и семинары. Она получала удовольствие, объясняя то, что знала сама, делясь своими знаниями.

– Да, иногда и галлюцинации. Но не пугающие или несущие в себе угрозу, ничего такого, чего можно ждать после приема наркотиков. Во многих случаях – яркие и необычайно живые сексуальные фантазии. И практически каждый участник экспериментов сообщал о резкой активизации процесса мышления. Некоторые без помощи карандаша и бумаги решали сложные математические задачи, требующие алгебраических и дифференциальных расчетов. И повторить эти достижения в обычных условиях им не удавалось. Возникло даже психотерапевтическое направление, которое использует камеры отсечения внешних воздействий, чтобы предоставить пациенту возможность максимально сконцентрироваться на исследовании внутреннего мира.

– Судя по вашему тону, вы это не одобряете.

– Не то чтобы не одобряю. Но если вы имеете дело с психологически неуравновешенным индивидуумом, который уже отрывается от реальности, только наполовину контролирует себя... тогда дезориентация, неизбежная в этой камере, практически наверняка приведет к негативным эффектам. Некоторым пациентам необходима максимальная связь с окружающим миром, без этого они не могут существовать. – Лаура пожала плечами. – Но, опять же, возможно, я слишком осторожна, консервативна. В конце концов, эти камеры продаются для использования в частных домах, за последние годы их наверняка продано несколько тысяч, и, конечно, некоторые используются психически неуравновешенными людьми, но я пока не слышала, чтобы у кого-либо из-за такой вот камеры окончательно съехала крыша.

– Должно быть, дорогое удовольствие.

– Камера отсечения внешних воздействий? Безусловно. Но те, что устанавливаются в частных домах... новые игрушки для богатых, знаете ли.

– А с чего у кого-то может возникнуть желание купить такую камеру и установить ее дома?

– Помимо ярких галлюцинаций и активизации процесса мышления, все участники экспериментов сообщали о полном расслаблении и приливе жизненных сил после таких сеансов. После того как вы проведете час в такой камере, волны вашего мозга становятся точно такими же, как у буддийского монаха в состоянии глубокой медитации. Назовите это способом медитировать для ленивых. Не требуется ничему учиться, нет нужды ограничивать себя какими-либо религиозными принципами, залез в камеру, и наступает полное расслабление, которое так приятно после напряженного рабочего дня или недели.

– Но ваш муж использовал камеру не для расслабления.

– Это точно, – согласилась она.

– Тогда для чего она ему понадобилась?

– Я действительно не знаю. – Душевная боль вернулась в ее глаза, отразилась на лице.

– Я думаю, здесь была не только его лаборатория. Я думаю, ваша дочь жила в этой комнате. Я думаю, это была ее тюремная камера. И еще я думаю, что она спала в этом резервуаре каждую ночь, а иногда проводила в нем и сутки.

– Сутки? Нет. Это... невозможно.

– Почему?

– Потенциальный психологический вред, риск...

– Может, вашего мужа этот риск не волновал.

– Но она была его дочерью. Он любил Мелани. В этом я должна отдать ему должное.

Он искренне ее любил.

– Мы нашли дневник, в котором ваш муж описывал каждую минуту жизни вашей дочери в течение последних пяти с половиной лет.

Она сощурилась:

– Я хочу его видеть.

– Буквально через минуту. Я еще не успел тщательно его изучить, но не думаю, что ваша дочь за эти пять с половиной лет хоть раз покинула стены этого дома. Не ходила ни в школу, ни к врачу, ни в кино или зоопарк, никуда. И пусть вы говорите, что это невозможно, из прочитанного мною следует, что иногда она не покидала этот резервуар трое или четверо суток кряду.

– Но еда...

– Не думаю, что ее в это время кормили.

– Вода...

– Может, она пила то, в чем плавала.

– Ей приходилось справлять естественную нужду.

– Из того, что я прочитал, следует, что иногда ее выпускали из резервуара на десять или пятнадцать минут, чтобы воспользоваться туалетом. Но в других случаях, думаю, он использовал катетер, чтобы она могла мочиться в закрытый сосуд и не загрязнять жидкость, в которой плавала.

Лаура обомлела.

Выдерживая паузу, чтобы дать ей возможность прийти в себя, и потому, что его самого мутило от этой лаборатории, Дэн увел ее от резервуара к другой установке.

– Она предназначена для контроля деятельности мозга, – объяснила Лаура. – Включает ЭЭГ, электроэнцефалограф, который записывает излучаемые мозгом волны. Электроэнцефалограмма позволяет определить характер мозговых волн и, следовательно, состояние мозга.

– Насчет ЭЭГ я знаю. А вот это что?

Он указывал на деревянный стул с подлокотниками, с которого свисали кожаные ремни и провода, заканчивающиеся электродами.

Лаура Маккэффри осмотрела стул, и Дэн почувствовал, как в ней поднимается волна отвращения... и ужаса.

– Это устройство для болевой терапии.

– А мне кажется, что это электрический стул.

– Так и есть, только этот стул не убивает. И электрический ток поступает от этих аккумуляторов, а не из розетки, подключенной к сети. Вот этот рычаг... – она коснулась рычага, закрепленного на боковой поверхности сиденья, – регулирует подаваемое напряжение. Можно и чуть пощекотать, и дать сильный разряд.

– Это стандартный инструмент психологических исследований?

– Святой боже, нет!

- Вы уже видели такой в лаборатории?
- Однажды. Ну... два раза.
- Где?
- У одного беспринципного ученого, изучавшего психологию животных, которого я когда-то знала. Он использовал болевую терапию в экспериментах с мартышками.
- Пытал их?
- Я уверена, что он трактовал свои действия иначе.
- Так работают все ученые, изучающие психологию животных?
- Я же говорю, он был беспринципным. Послушайте, надеюсь, вы – не один из новых луддитов, которые думают, что все ученые дураки или монстры?!
- Я – нет. Когда я был маленький, всегда смотрел передачу «Мистер Мудрец».
- Ей удалось выдавить из себя слабую улыбку:
- Не хотела на вас кричать.
- Я понимаю. Вы сказали, что видели такой стул дважды. Второй раз – это где?
- Остатки улыбки исчезли бесследно.
- Второй раз я видела его на фотографии.
- Да?
- В книге о... научных экспериментах в нацистской Германии.
- Вот оно что.
- Они использовали его в экспериментах на людях.
- Он замялся. Но не мог не сказать:
- Так же, как и ваш муж.
- Взгляд Лауры Маккэффри говорил о том, что она ему не верит, более того, просто отказывается поверить. Ее лицо посерело.
- Думаю, он сажал вашу дочь на этот стул...
- Нет.
- ...и он, и Хоффриц, и еще бог знает кто...
- Нет.
- ...пытали ее, – закончил Дэн.
- Нет.
- В дневнике, о котором я вам говорил, есть соответствующие записи.
- Но...
- Я думаю, они использовали... как вы это называли, «болевою терапию» для того, чтобы научить ее контролировать рисунок волн своего мозга.
- При мысли о Мелани, привязанной к этому стулу, Лаура Маккэффри едва не лишилась чувств. Ее кожа более не была серой, она становилась все белее и белее, приобретая трупную бледность. Глаза запали, вдруг стали тусклыми. Лицо мгновенно осунулось. «Но... это бессмысленно. Болевая терапия – наименее результативный метод обретения контроля над мозговыми волнами».
- Дэну хотелось обнять ее, прижать к груди, погладить по волосам, успокоить. Поцеловать. Он нашел ее привлекательной, как только увидел, но до этого момента не испытывал к ней романтических чувств. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Он не мог равнодушно пройти мимо беспомощного котенка или сломанной куклы, ему всегда хотелось помочь потерявшимся, слабым, попавшим в беду. И всегда дело заканчивалось одинаково: потом он жалел, что ввязался. Лаура Маккэффри поначалу не привлекала его из-за уверенности в себе, самообладания, выдержки. Но, как только она начала давать слабину, более не могла скрывать страх и замешательство, его так и потянуло к ней. Ник Хэммонд, другой детектив отдела расследования убийств и большой говнюк, как-то обвинил Дэна в том, что у него сильно развит материнский инстинкт, и, пожалуй, попал в десятку.

«Что это со мной? – думал Дэн. – Почему я настаиваю на том, чтобы изображать из себя странствующего рыцаря, постоянно пребывающего в поисках попавшей в беду дамы? Я едва знаю эту женщину, но уже хочу, чтобы она полностью доверилась мне, возложила на мои плечи все свои надежды и страхи. Да, мэм, вы можете рассчитывать только на Большого Дэна Холдейна, и ни на кого другого. Большой Дэн поймает этих злодеев и склеит ваш разбитый мир. Большому Дэну это по силам, мэм, пусть сердцем он еще идиот-подросток».

Нет. Не в этот раз. У него есть работа, и он должен ее сделать, но полагаясь исключительно на профессионализм. Никаких личных чувств. И потом, нужен ли он этой женщине? Ее образование не чета его. И сам он ей не ровня. Она идет по разряду бренди, тогда как он – пива. А кроме того, сейчас не время для романтики. Она слишком ранима. Волнуется из-за дочери, мужа только что убили. Его насильственная смерть не может не подействовать на нее, пусть даже она давно разлюбила этого человека. Да и какой мужчина может в такой момент избрать ее объектом своих романтических возжеланий. Стыдно, дорогой мой. И однако...

Он вздохнул:

– Возможно, внимательно изучив дневник вашего мужа, вы сможете доказать, что он не сажал вашу дочь на этот стул. Но я так не думаю.

Она стояла столбом, испуганная, потерянная.

Он подошел к стенному шкафу, распахнул дверцы, открыв взгляду джинсы, свитера, футболки, туфли, кроссовки – размером на девятилетнюю девочку. Все серое.

– Почему? – спросил Дэн. – Что он надеялся доказать? Чего пытался добиться от малышки?

Женщина покачала головой, от горя она не могла произнести ни слова.

– И вот о чем еще я думаю, – продолжил Дэн. – На шесть лет такой жизни у него должна была уйти сумма бóльшая, чем та, что он снял с ваших общих банковских счетов, когда бросил вас. Гораздо бóльшая. Однако он нигде не работал. Никуда не выходил. Возможно, деньги ему давал Вильгельм Хоффриц. Но наверняка и другие вносили свою лепту. Кто? Кто финансировал эти исследования?

– Понятия не имею, – ответила она.

– И почему? – задал он еще один вопрос.

– И куда они увезли Мелани? – У Лауры тоже нашлись вопросы. – И что сейчас делают с ней?

5

Кухня не была грязной, но и не сверкала чистотой. Раковину заполняла гора использованной посуды. На столе, который стоял у единственного окна, хватало крошек.

Лаура присела к столу, смахнула часть крошек на пол. Ей не терпелось заглянуть в дневник, в который Дилан записывал свои эксперименты с Мелани. А вот Холдейн не торопился передавать ей дневник, большущую книгу в дерматиновом переплете. Расхаживал по кухне, не выпуская ее из рук, и продолжал задавать вопросы.

Капли дождя били в окно и стекали по стеклу. Иногда вспышка молнии освещала ночь, и тогда тени бегущих по стеклу струек проецировались на стены. В такие моменты очертания кухни расплывались, она становилась полупрозрачной, напоминая мираж.

– Я хочу узнать о вашем муже как можно больше.

– Например.

– Почему вы решили развестись с ним?

– Это имеет отношение к вашему расследованию?

– Вполне вероятно.

– Каким боком?

– Во-первых, если в этой истории замешана еще одна женщина, она, возможно, сможет рассказать нам о том, что он тут делал. Может, даже скажет, кто его убил.

– Другой женщины не было.

– Тогда почему вы решили развестись с ним?

– Просто... я его больше не любила.

– Но в свое время вы его любили.

– Да. Но он уже не был тем мужчиной, за которого я выходила замуж.

– И когда же он изменился?

Лаура вздохнула:

– Он не менялся. Никогда не был тем мужчиной, за которого я выходила замуж. Я только думала, что был. Потом, по прошествии какого-то времени, мне стало ясно, что я его совершенно не понимала, принимала за другого, с самого начала.

Холдейн перестал ходить, прислонился к разделочному столику, сложил руки на груди, держа в одной дневник.

– И в чем же вы его не понимали?

– Ну... во-первых, тут нужно сказать пару слов обо мне. Ни в школе, ни в колледже я не пользовалась успехом. Меня не так уж часто приглашали на свидания.

– Должен признать, в это трудно поверить.

Она покраснела. Ей бы, конечно, хотелось контролировать цвет своего лица, но не получилось.

– Это правда. Я была невероятно застенчива. Избегала юношей. Избегала всех. У меня не было и близких друзей.

– И никто не говорил вам, каким нужно пользоваться зубным эликсиром или шампунем из одуванчиков?

Она улыбнулась его попытке настроить ее на нужную волну, но разговор о себе никогда не давался ей легко.

– Я никого не хотела подпускать к себе, думала, что не понравлюсь им, а если бы меня отвергли, я бы этого не перенесла.

– А почему вы могли кому-то не понравиться?

– Ну... для них я могла быть недостаточно остроумна, недостаточно умна, недостаточно красива.

– Я не могу сказать, остроумная вы женщина или нет. Боюсь, это место не располагает к остроумию. Но в отношении вашего высокого интеллекта сомнений нет. Вы же защитили докторскую диссертацию. И я не понимаю, кого, кроме красавицы, вы можете увидеть, посмотревшись в зеркало.

Она оторвала глаза от усыпанного крошками стола. Встретилась с прямым, теплым, открытым взглядом лейтенанта, в котором не было ничего наглого, ничего оскорбительного. Холдейн говорил, как полицейский, не делая никаких допущений, выкладывая только факты. И однако под маской профессионализма она уловила что-то личное. Его явно влекло к ней. И от этого влечения ей стало как-то не по себе.

Смутившись, она перевела взгляд на залитое дождем окно.

– Тогда я страдала сильнейшим комплексом неполноценности.

– Почему?

– Мои родители.

– Разве бывает по-другому?

– Бывает. Иногда. Но в моем случае... в основном моя мать.

– Расскажите о них.

– К делу это не имеет никакого отношения. Да и потом, их уже нет.

- Они умерли?
- Да.
- Я сожалею.
- Напрасно. Я – нет.
- Понимаю.

Лучше бы она не произносила последние фразы. К собственному удивлению, она вдруг поняла, что хочет произвести на него хорошее впечатление. С другой стороны, она еще не могла найти в себе силы, чтобы рассказать ему о своих родителях и лишенном любви детстве.

– Что же касается Дилана... – Она замолчала, не могла вспомнить, а на чем они остановились.

– Вы говорили мне, что с самого начала приняли его за другого человека, – подсказал Холдейн.

– Видите ли, я так поднаторела в умении отталкивать от себя людей, восстанавливать всех против себя и прятаться в собственном коконе, что меня обходили на пушечный выстрел. Особенно юноши... и мужчины. Я знала, как дать им от ворот поворот. До того, как появился Дилан. Он не сдавался. Продолжал приглашать меня на свидания. Как бы часто я ни отказывала ему, приходил снова. Моя застенчивость не останавливала его. Грубость, безразличие, холодность – ничего не помогало. Он преследовал меня. Не желал отказаться от меня. Я стала для него навязчивой идеей. Но в этой навязчивости не было ничего пугающего, только сентиментальность. Он посылал мне цветы, конфеты, снова цветы, однажды большущего плюшевого медведя.

– Плюшевого медведя для молодой женщины, которая пишет докторскую диссертацию? – спросил Холдейн.

– Я же упомянула про сентиментальность. Он писал мне стихи и подписывался «Тайный поклонник». Банальность, конечно, но на женщину, которая в двадцать шесть лет от силы несколько раз целовалась и нацеливалась в старые девы, это действовало. Он стал первым, которому удалось показать мне, что я... особенная.

– Он пробил брешь в ваших оборонительных редутах.

– Черт, он их просто смел.

Стоило ей произнести эти слова, как то время и те чувства вернулись, необычайно живые и сильные. А с воспоминаниями пришла грусть, потому что ожидания не сбылись. Слишком уж она оказалась наивной.

– Позже, когда мы уже поженились, я узнала, что страсть и пыл Дилана предназначены не только мне. Нет, других женщин не было. Но с той же страстностью, с какой он преследовал меня, Дилан отдавался любому своему увлечению. Исследования, связанные с изменением человеческого поведения, оккультизм, скоростные автомобили с мощным двигателем – всему он отдавал себя без остатка, щедро растрачивая ту энергию, с которой ранее добивался моего благорасположения.

Она вспомнила, как волновалась из-за Дилана... о том влиянии, которое он окажет на Мелани. В какой-то степени и развестись она захотела потому, что опасалась, как бы Мелани не передалась импульсивная одержимость ее мужа.

– Например, он решил построить за домом настоящий японский сад и многие месяцы отдавал этому саду все свое свободное время. Стремился довести его до совершенства. Каждый цветок, каждое растение, каждый камень, все должно было быть идеальным. Каждое деревцо должно было иметь те же пропорции и располагаться так же гармонично, как в примерах, которые приводились в книгах по классическому восточному садоводству. Он ожидал, что этот проект увлечет и меня, как и все его остальные проекты. Но я не могла увлекаться, как он. Да и не хотела. А кроме того, при его фанатичном стремлении к совершенству,

все, что я делала для него, из забавы постепенно превращалось в тяжелый труд, за который мне платили только придирками да насмешками. Никогда раньше мне не встречались столь одержимые люди. И хотя Дилан постоянно увлекался чем-то новым, он не получал от своих увлечений ни удовольствия, ни радости. Потому что на радость у него просто не оставалось времени.

– Получается, что жизнь с ним была далеко не сахар, – вставил Холдейн.

– Господи, да! Через год-полтора его увлеченность перестала быть заразной, потому что он постоянно переключался с одного на другое, и ни один здравомыслящий человек не может постоянно жить в таком напряжении. Он перестал интриговать, вселять энергию, бодрость. Он... стал утомлять. Сводить с ума. Ни минуты покоя, никакой возможности расслабиться. К тому времени я заканчивала докторскую диссертацию по психиатрии, проходила курс психоанализа, необходимое условие для тех, кто хотел стать практикующим психиатром, и наконец поняла, что у Дилана далеко не все в порядке с психикой и я имею дело отнюдь не со сверхэнергичным человеком, которому просто не сидится на месте. Я старалась убедить его обратиться к психоаналитику, но это мое предложение не вызвало у него энтузиазма. И наконец я сказала ему, что хочу с ним развестись. Он не дал мне времени, чтобы заполнить соответствующие бумаги. На следующий день снял деньги с наших общих банковских счетов и ушел с Мелани. Мне следовало предугадать, что так и будет.

– Почему?

– Потому что Мелани он был одержим так же, как и остальным. В его глазах она была самым прекрасным, самым удивительным, самым умным ребенком, какой только ходил по этой земле, и он всегда следил за тем, чтобы она была идеально одета, идеально ухожена, идеально воспитана. Ей было только три годика, но он уже учил ее читать, пытался учить французскому. В три годика! Он говорил, что малышам учеба дается легко. Это правда. Но он делал это не для Мелани. О нет! Ни в коем разе. Он думал только о себе, о том, что у него будет ребенок-совершенство. Он не выносил даже мысли о том, что его дочь не будет самой красивой, самой умной, самой потрясающей девочкой для всех, кто мог ее увидеть.

Они помолчали.

Дождь заливал окно, барабанил по крыше, потоки воды бежали по сливным канавам.

– Такой человек мог... – прервал паузу Холдейн.

– Мог экспериментировать на собственной дочери, мог подвергать ее пыткам, если думал, что все это пойдет ей только на пользу. Или если увлекся серией экспериментов, в которых роль подопытного кролика отводилась ребенку.

– Господи! – В голосе Холдейна слышались отвращение, шок, жалость.

К собственному удивлению, Лаура заплакала.

Детектив подошел к столу. Отодвинул стул, сел рядом с ней.

Она вытерла глаза бумажной салфеткой.

Холдейн положил руку ей на плечо:

– Все будет хорошо.

Она кивнула, высморкалась.

– Мы ее найдем.

– Боюсь, она мертва.

– Она жива.

– Я боюсь.

– Не нужно бояться.

– Ничего не могу с собой поделать.

– Я знаю.

* * *

Полчаса (лейтенанту Холдейну хватало дел в других комнатах) Лаура читала написанный от руки дневник Дилана, по существу, подробное описание дней и ночей, которые Мелани провела в этом доме. К тому времени, когда детектив вернулся на кухню, Лаура была ни жива ни мертва от ужаса.

– Это правда. Они прожили здесь как минимум пять с половиной лет, во всяком случае, столько времени он вел дневник, и Мелани, насколько я поняла, ни разу не выходила из дома.

– И она каждую ночь спала в камере отсечения внешних воздействий, как я и думал?

– Да. Вначале восемь часов каждую ночь. Потом восемь с половиной. Девять. К концу первого года проводила в камере по десять часов ночью и еще два – во второй половине дня.

Лаура захлопнула дневник. Один только вид аккуратного почерка Дилана приводил ее в ярость.

– Что еще?

– С самого утра она час медитировала.

– Медитировала? Такая маленькая девочка? Да она не могла знать даже значения этого слова.

– По сути, медитация не что иное, как направление разума внутрь себя, отсечение материального мира, поиск покоя через внутреннее уединение. Я сомневаюсь, что он учил Мелани буддистской медитации или любой другой, основанной на философских или религиозных принципах. Скорее всего, он учил ее, как сидеть неподвижно, уходить в себя и ни о чем не думать.

– Самогипноз.

– Да, конечно.

– Но зачем он ее этому учил?

– Не знаю.

Она поднялась со стула, нервная, взволнованная. Не могла усидеть на месте, ей хотелось двигаться, ходить, расходовать энергию, которая так и рвалась из нее. Но кухня была слишком мала. Пять шагов, и Лаура уперлась бы в стену. Она направилась к двери в коридор, но остановилась, осознав, что не сможет пройти через дом, мимо тел, по крови, мешая полицейским и сотрудникам службы коронера. Прислонилась к разделочному столику, взялась за край руками, яростно сжала, словно надеялась, что тем самым избавится от части своей нервной энергии, «сольет» ее в керамическую поверхность.

– Каждый день после медитации Мелани проводила несколько часов, обучаясь методам управления волнами, которые излучает мозг.

– Сидя на электрическом стуле?

– Думаю, что да. Но...

– Но что?

– Электрический стул использовался не только для этого. Я думаю, с его помощью она училась не чувствовать боли.

– Повторите еще раз.

– Я думаю, Дилан использовал электрический шок, чтобы научить Мелани блокировать боль, выдерживать, игнорировать, как это делают восточные мистики, те же йоги.

– Зачем?

– Может, для того, чтобы позднее блокировка боли позволила ей проводить больше времени в камере отсечения внешних воздействий.

– Так в этом я не ошибся?

– Нет. Он постепенно увеличивал время ее пребывания в камере, и к третьему году она иной раз оставалась на плаву трое суток. К четвертому году – четверо или пятеро суток. А совсем недавно... буквально на прошлой неделе, он продержал ее в камере семь суток.

– С катетером?

– Да. И на капельнице, через которую в вену подавался раствор глюкозы, чтобы избежать слишком большой потери веса и обезвоживания организма.

– Святой боже.

Лаура промолчала. Она с трудом сдерживала слезы. Ее мутило. Глаза жгло, словно в них насыпали песок. Лицо горело. Она подошла к раковине, открыла холодную воду, которая полилась на грудку грязной посуды. Подставила под струю сложенные лодочкой ладони, плеснула в лицо. Оторвала несколько сухих полотенец от рулона, который висел на стене, вытерла лицо и руки.

Лучше ей не стало.

– Он хотел научить ее противостоять боли, чтобы она легче выдерживала удлиняющиеся периоды пребывания в камере. – Холдейн словно размышлял вслух.

– Возможно. Но уверенности в этом нет.

– Но какие болевые ощущения может вызвать пребывание в этом резервуаре? Я думал, физических ощущений при этом нет вовсе. Вы сами так говорили.

– При нормальной продолжительности пребывания болевых ощущений нет. Но, если вы собираетесь продержать человека в камере отсечения внешних воздействий несколько дней, может начать трескаться кожа. Начнут появляться язвы.

– Ага.

– И этот чертов катетер. В вашем возрасте у вас, скорее всего, не было столь тяжелого заболевания, чтобы вам ставили катетер.

– Нет, никогда.

– Видите ли, через пару дней катетер вызывает воспаление уретры. Это болезненно.

– Могу себе представить.

Ей хотелось выпить. Она практически не пила. Разве что изредка позволяла себе бокал вина. «Мартини». Но сейчас она бы с радостью напилась.

– К чему он стремился? – спросил Холдейн. – Что пытался доказать? Зачем он все это с ней проделывал?

Лаура пожала плечами.

– Должна же у вас возникнуть хоть какая-то идея.

– Никакой. В дневнике не описываются эксперименты, нет ни слова о его намерениях. Это всего лишь описание каждодневного состояния, с указанием продолжительности эксперимента и установки, на которой он проводился.

– Вы видели бумаги в его кабинете, разбросанные по полу. В них наверняка больше информации, чем в дневнике. Может, из них мы что-то узнаем?

– Возможно.

– Я просмотрел несколько листов, но мало что смог разобрать. Технический язык, психологический жаргон. Для меня это что греческий. Если я сделаю ксерокопии, сложу их в ящик и пришлю вам через пару дней, вы сможете их просмотреть, систематизировать, высказать свое мнение?

Она замялась:

– Я... не знаю. Мне и от дневника стало дурно.

– Разве вы не хотите знать, что он делал с Мелани? Если мы ее найдем, вы должны это знать. Иначе не сможете избавить ее от психологической травмы, нанесенной ей пребыванием в этом доме.

Он говорил правильно. Для того чтобы подобрать правильное лечение, ей предстояло проникнуть в кошмар дочери и сделать его своим.

– А кроме того, в этих бумагах могут быть какие-то зацепки, которые позволят определить, с кем он работал, кто мог его убить. Если нам удастся это выяснить, мы, возможно, сможем понять, кто и куда увез Мелани. Не исключено, что в бумагах вашего мужа вы найдете ту самую крупинку информации, которая поможет нам найти вашу дочь.

– Хорошо, – устало ответила она. – Когда вы подготовите ксерокопии, отправьте их мне домой.

– Я понимаю, это будет нелегко.

– Вы чертовски правы.

– Я хочу знать, кто финансировал пытки маленькой девочки во имя каких-то там исследований. – Лауре показалось, что в голосе лейтенанта слышится жажда мщения, которую не положено выказывать слуге закона. – Я очень хочу это знать.

Он хотел сказать что-то еще, но в этот момент в кухню из коридора вошел полицейский.

– Лейтенант?

– В чем дело, Фил?

– Вы ищете маленькую девочку, не так ли?

– Да.

– Похоже, ее нашли.

Сердце Лауры словно сжали железные пальцы. Грудь пронзила боль. Она хотела задать самый важный для нее вопрос, но не смогла, потому что горло не пропускало воздух, а язык и губы не желали пошевеливаться.

– Сколько лет? – спросил Холдейн.

Лаура хотела задать совсем другой вопрос.

– Они полагают, восемь или девять.

– Приметы? – спросил Холдейн.

Опять не тот вопрос.

– Каштановые волосы. Зеленые глаза, – ответил полицейский.

Оба мужчины повернулись к Лауре. Она знала, что смотрят они на ее каштановые волосы и зеленые глаза.

Попыталась что-то сказать. Но дар речи не возвращался.

– Живая? – это был тот самый вопрос, который не удалось озвучить Лауре.

– Да, – кивнул полицейский. – Патрульная машина засекла ее в семи кварталах отсюда.

Горло разжалось, язык и губы обрели подвижность.

– Она жива? – Лаура боялась поверить услышанному.

Полицейский кивнул:

– Да. Я же сказал. Жива.

– Когда? – спросил Холдейн.

– Полтора часа тому назад.

Холдейн побагровел.

– И за это время никто мне не сказал. Черт побери!

– Ее же заметил обычный патруль. Они понятия не имели, что девочка как-то связана с этим расследованием. Это выяснилось несколько минут тому назад.

– Где она? – спросила Лаура.

– В «Вэлью медикэл».

– В больнице? – Сердце Лауры заколотилось о ребра. – Что с ней? Она ранена? Как сильно?

– Не ранена, – ответил коп. – Насколько я понял, ее нашли бредущей по улице, голую, словно в трансе.

– Голую, – повторила Лаура. Вернулся страх, связанный с насильниками, растлителями малолетних. Она привалилась к разделочному столику, вновь ухватила пальцами за край, боясь, что ноги не удержат ее и она сползет на пол, попыталась глубоко вдохнуть, но горло опять перехватило. – Голую?

– Она не понимала, где находится, не могла говорить, – продолжил Фил. – Они подумали, что она в шоке, а может, под действием наркотиков, и отвезли ее в больницу.

Холдейн взял Лауру за руку:

– Поехали. Не будем терять времени.

– Но...

– Что «но»?

Она облизала губы.

– А если это не Мелани? Я не могу обретать надежду, чтобы тут же ее потерять.

– Это она, – настаивал лейтенант. – Здесь мы потеряли девятилетнюю девочку, в семи кварталах отсюда они ее нашли. Таких совпадений не бывает.

– Но если...

– Доктор Маккэффри, что с вами?

– Что, если это не конец кошмара?

– Не понял.

– Что, если это только начало?

– Вы спрашиваете меня, думаю ли я, что... после шести лет пыток...

– Думаете ли вы, что она сможет стать нормальной девочкой? – У Лауры сел голос.

– Не надо сразу ожидать худшего. Надежда есть всегда. Вы ничего не узнаете наверняка. Пока не увидите ее, не поговорите с ней.

Лаура упрямо покачала головой:

– Нет. Не сможет она стать нормальной. Не сможет после того, что сделал с ней родной отец. После стольких лет насильственной изоляции. Она, должно быть, очень больная маленькая девочка, с сильнейшим психическим расстройством. И нет даже одного шанса на миллион, что она станет нормальной.

– Нет, – мягко ответил он, понимая, что голосовые утверждения обратного только разозлят Лауру. – Едва ли мы увидим здоровенькую, полностью адаптированную к действительности девочку. Она будет больной, испуганной, возможно, замкнувшейся в собственном мире. Достучаться до нее будет сложно, может, и не удастся. Но вы не должны забывать об одном.

Лаура встретила с ним взглядом.

– О чем?

– Вы ей нужны.

Лаура кивнула.

Они покинули залитый кровью дом.

Дождь все лил, ночь осветила молния, сопровождаемая громовым раскатом.

Холдейн усадил ее в седан. Поставил на крышу мигалку. Они помчались в «Вэлью медикэл» с включенными мигалкой и сиреной, в шипении шин по залитому водой асфальту, с летящими из-под колес брызгами.

6

В отделении интенсивной терапии дежурил Ричард Пантагельо, молодой врач с густыми темными волосами и аккуратной темно-русой бородкой. Он встретил Лауру и Холдейна в приемном отделении и повел их в палату девочки.

Шли они по пустынным коридорам, лишь изредка им попадались скользкие, словно призраки, медицинские сестры. В десять минут пятого утра в больнице царил тишина.

На ходу доктор Пантагельо тихим голосом, почти шепотом, вводил их в курс дела:

– У девочки нет ни переломов, ни порезов, ни ссадин. Только один синяк, на правой руке. Прямо над веной. Судя по характеру синяка, я бы сказал, что он – результат неумелого введения иглы для внутривенного вливания.

– В каком она состоянии? – спросил Холдейн.

– Я бы сказал, что она в транс. Никаких признаков травмы головы нет, хотя с того самого момента, как ее привезли в больницу, она не может или не хочет говорить.

Подстраиваясь под ровный тон врача, но не в силах полностью изгнать озабоченность из голоса, Лаура спросила:

– Как насчет... изнасилования?

– Я не смог найти ни одного признака надругательства над девочкой.

Они обогнули угол и остановились перед закрытой дверью в палату 256.

– Она там. – Доктор Пантагельо сунул руки в карманы белого халата.

Лаура все еще обдумывала ответ врача на ее вопрос об изнасиловании.

– Вы не нашли признаков надругательства над девочкой, но это не означает, что ее не могли изнасиловать.

– Никаких следов спермы в вагинальном тракте. Ни синяков, ни кровотечения на половых губах или стенках влагалища.

– Так и должно быть, если она не один год была жертвой растлителей малолетних.

– Разумеется. Но ее девственная плева не тронута.

– Значит, ее не насиловали, – подвел черту Холдейн.

У Лауры вновь сжалось сердце, когда она увидела печаль и жалость в добрых карих глазах врача.

И в голосе, когда он заговорил, звучала печаль:

– С ней не совершался нормальный половой акт, в этом можно не сомневаться. Но... разумеется, я не могу этого утверждать. – Он откашлялся.

Лаура видела, что этот разговор дается молодому доктору ничуть не легче, чем ей. Она хотела, чтобы он замолчал, но понимала, что должна услышать все, должна знать все, а его обязанность – рассказать обо всем.

Прокашлявшись, он продолжил с того места, где остановился:

– Я не могу полностью исключить оральный секс.

Горестный бессловесный вскрик сорвался с губ Лауры.

Холдейн взял ее за руку, и она привалилась к нему.

– Спокойно. Спокойно. Пока мы даже не знаем, что это Мелани.

– Она, – мрачно ответила Лаура. – Я уверена, что она.

Лаура хотела увидеть дочь, ей не терпелось встретиться с ней после стольких лет разлуки. Но она боялась открыть дверь и войти в палату. За порогом ее ждало будущее, и она страшилась того, что в этом будущем ее ждет только душевная боль и отчаяние.

Медсестра прошла мимо, не взглянув на них, намеренно избегая их взглядов, не желая соприкоснуться с еще одной трагедией.

– Мне очень жаль. – Пантагельо вытащил руки из карманов халата. Хотел утешить Лауру, но, похоже, боялся прикоснуться к ней. Вместо этого взялся за стетоскоп, висевший на груди, повертел. – Послушайте, если это поможет... ну, по моему мнению, ее не растлевали. Я не могу этого доказать. Просто чувствую. А кроме того, растление малолетних обычно сопровождается синяками. Порезами, другими травмами. Отсутствие следов насилия указывает на то, что ее никто не трогал. Действительно, я готов на это поспорить. – Он улыб-

нулся. Ей хотелось верить, что улыбнулся, хотя улыбка эта больше смахивала на гримасу. – Готов поспорить на год моей жизни.

– Но, если к ней не прикасались, – Лаура глотала слезы, – почему она бродила по улицам голой?

Ответ пришел к ней до того, как Лаура закончила озвучивать вопрос.

– Должно быть, она находилась в камере отсечения внешних воздействий, когда в дом проник убийца или убийцы. В камере она находилась голая.

– Отсечение внешних воздействий? – Брови Пантагельо приподнялись.

Лаура повернулась к Холдейну.

– Может, поэтому ее и не убили вместе с остальными. Может, убийца не знал, что она там, в резервуаре.

– Возможно, – ответил Холдейн.

– И она выбралась из резервуара после ухода убийцы. – Затеплившаяся у Лауры надежда начала набирать силу. – Увидела тела... всю эту кровь... зрелище очень травмирующее. Этим может объясняться ее нынешнее состояние, транс.

Пантагельо с любопытством посмотрел на лейтенанта Холдейна.

– Должно быть, вы ведете необычное расследование.

– Очень, – согласился детектив.

Внезапно у Лауры пропали все страхи. Она более не боялась открыть дверь в палату Мелани. Взялась за ручку, уже собралась толкнуть дверь.

Остановила ее рука доктора Пантагельо, опустившаяся ей на плечо.

– Еще один момент.

Лаура с замиранием сердца ждала, пока молодой врач подберет слова, чтобы сообщить последнюю плохую новость. Она знала, что новость будет плохой. Видела это по его лицу. Он был слишком неопытен, чтобы скрывать свои чувства за бесстрашной маской профессионала.

– Состояние, в котором она находится... ранее я назвал его «трансом». Но это не совсем верно. По существу, это практически кома. Такое состояние можно увидеть у детей-аутистов, когда они в максимальной степени уходят в себя.

Во рту у Лауры пересохло, как будто последние полчаса она ела песок. На языке появился металлический привкус страха.

– Продолжайте, доктор Пантагельо. Говорите прямо. Я сама врач. Психиатр. Что бы вы мне ни сказали, я выдержу.

Теперь он заговорил быстрее, слова полились потоком, словно он стремился как можно скорее поделиться с ней плохими новостями и умыть руки.

– Аутизм, психические расстройства в целом – не мой профиль. Очевидно, это по вашей части. Поэтому лучше мне вообще об этом не говорить. Но я хочу подготовить вас к тому, что ждет вас за дверью. Ее уход в себя, ее молчание, ее отстраненность... в общем. Я не думаю, что из этого состояния ее удастся вывести легко и быстро. Я думаю, она пережила что-то очень травмирующее и ушла в себя, чтобы отгородиться от воспоминаний. Чтобы вернуть ее в реальный мир, потребуется... невероятное терпение.

– А может, она уже не вернется? – спросила Лаура.

Пантагельо покачал головой, подергал бородку, повертел стетоскоп.

– Нет, нет, я этого не говорил.

– Но вы об этом подумали.

Молчание послужило подтверждением.

Лаура открыла дверь и вошла в палату. Врач и детектив последовали за ней.

Дождь бил в единственное окно. Создавалось впечатление, будто по стеклу колотят крыльями сотни птиц, пытающихся вырваться из западни. Далеко в ночи, ближе к невидимому океану, дважды, трижды полыхнула молния и умерла в темноте.

Из двух кроватей ближайшая к окну пустовала, и в той половине палаты царил сумрак. Свет горел над второй кроватью, на которой лежала девочка, укрытая простыней, в обычном больничном халате. Ее голова покоилась на подушке. Часть кровати у изголовья приподняли вместе с верхней половиной тела лежащего ребенка, так что Лаура, переступив порог, сразу увидела лицо девочки.

Это была Мелани. Лаура в этом не сомневалась. Девочка унаследовала волосы матери, нос, аккуратный подбородок. А вот лоб и скулы достались ей от отца. Глаза были того же зеленого оттенка, что и у Лауры, но глубоко утопленными, как у Дилана. За шесть прошедших лет Мелани, конечно, изменилась. Лаура помнила ее совсем не такой, но установить личность позволяли скорее не внешние приметы, а нечто иное, неуловимое, возможно, аура, эмоциональная и даже психическая связь между матерью и дочерью, которая восстановилась, как только Лаура вошла в палату. Она знала, что перед нею ее маленькая девочка, а вот каким образом она это узнала, объяснить, пожалуй, если бы и смогла, то с трудом.

Мелани напоминала ребенка с плакатов международных организаций, борющихся с голодом или собирающих средства на поиск методов лечения какой-то редкой и пока еще смертельной болезни. Бледная кожа с нездоровым, сероватым оттенком, губы скорее серые, чем розовые, темные мешки под запавшими глазами, словно она размазывала слезы чернильным кулачком.

Да и сами глаза свидетельствовали о ее нездоровье. Она смотрела в пустой воздух над собой, моргая, но ничего не видя... ничего в этом мире. В этих глазах не было ни боли, ни страха. Только опустошенность.

– Сладенькая, – обратилась к ней Лаура.

Девочка не пошевелинулась. Глаза не дернулись.

– Мелани!

Никакой реакции.

Лаура нерешительно двинулась к кровати.

Девочка не ощущала ее приближения.

Лаура опустила предохранительный поручень, наклонилась к ребенку, вновь позвала по имени и опять не добилась ответной реакции. Дрожащей рукой коснулась лица Мелани, горячего, как при повышенной температуре, и это прикосновение потрясло ее до глубины души. Дамба, сдерживающая эмоции, рухнула, Лаура схватила девочку, подняла с кровати, обнимая, крепко прижала к себе.

– Мелани, крошка, моя Мелани, теперь все будет хорошо, все будет хорошо, обязательно будет, ты в безопасности, со мной ты в безопасности, с мамой ты в безопасности, слава богу, в безопасности, слава богу. – И вместе со словами из глаз Лауры катились слезы, она плакала навзрыд, никого не стесняясь, как в последний раз плакала давным-давно, когда сама была ребенком.

Если бы Мелани тоже заплакала. Но нет. И не обняла мать. Лежала, обмякнув, в объятиях Лауры: податливое тело, пустая оболочка, не ведающая о любви, которую могла получить, неспособная принять поддержку и уход, предлагаемый матерью, отстраненная, остающаяся в своем собственном мире, потерянная.

* * *

Десять минут спустя, в коридоре, Лаура вытерла глаза двумя бумажными салфетками, высморкалась.

Дэн Холдейн ходил взад-вперед. Его ботинки поскрипывали по чисто вымытым виниловым плиткам. По выражению лица детектива Лаура догадалась, что он пытается подавить ярость, которую вызывали у него те, кто сотворил такое с Мелани.

– Может, у копов было больше сострадания, чем она думала. У этого, к примеру.

– Я хочу оставить Мелани в палате как минимум до второй половины завтрашнего дня, – нарушил молчание доктор Пантагельо. – Для наблюдения.

– Конечно, – кивнула Лаура.

– Когда она выпишется из больницы, ей потребуется психиатрическая помощь.

Лаура кивнула.

– Вот о чем я думаю... вы не собираетесь лечить ее сами, не так ли?

Лаура сунула мокрые салфетки в карман пиджака.

– Вы думаете, что лучше пригласить кого-то еще, квалифицированного, но постороннего психиатра?

– Да.

– Доктор, я понимаю, на чем вы основываетесь, и в большинстве случаев согласилась бы с вами, но не в этом.

– Но мать, лечащая своего ребенка, – вариант не из лучших. Вы будете более требовательно относиться к дочери, чем к обычному пациенту. И уж извините меня, но вполне возможно, что родительское воздействие – часть возникшей у ребенка проблемы.

– Да. Вы правы. Обычно. Но не на этот раз. Я не творила такого с моей маленькой девочкой. Я не имела к этому ни малейшего отношения. По существу, я для нее – такая же незнакомка, как и любой другой психиатр, но я могу уделить ей больше времени, окружить ее большей заботой, большим вниманием, чем кто бы то ни было. С другим врачом она будет еще одним пациентом. Но со мной – моим единственным пациентом. Я уйду из больницы Святого Марка. Я передам моих частных пациентов коллегам на несколько недель, а то и месяцев. У меня не будет необходимости ожидать быстрого прогресса, потому что я не буду ограничена во времени. Я целиком посвящу себя Мелани. Она получит не только то, что я могу предложить как психиатр, как врач, но и мою материнскую любовь.

Пантагельо уже собрался предупредить еще о какой-то опасности принятого Лаурой решения, но в последний момент передумал.

– Тогда... удачи вам.

– Спасибо.

– Это большая работа, – сказал детектив после того, как врач ушел, оставив их в пустынном, пахнущем дезинфицирующим раствором коридоре.

– Я смогу с этим справиться.

– Уверен, что сможете.

– У нее все будет хорошо.

– Я очень на это надеюсь.

На сестринском посту в конце коридора дважды звякнул телефон.

– Я приказал прислать полицейского, – продолжил Холдейн. – На случай, что кто-то будет искать Мелани, если она стала свидетельницей убийств. Охрана не мешает. Во всяком случае, до второй половины завтрашнего дня.

– Спасибо, лейтенант.

– Вы останетесь здесь, не так ли?

– Да. Конечно. Где же еще?

– Надеюсь, ненадолго?

– На несколько часов.

– Вам нужно отдохнуть, доктор Маккэффри.

– Мелани нуждается во мне в большей степени. Да и я все равно не смогу уснуть.

– Но если завтра она отправится домой, разве вам не нужно подготовиться к ее приезду?

Глаза Лауры широко раскрылись.

– Ох! Я даже не подумала об этом. Я должна приготовить спальню. Она больше не сможет спать в детской кроватке.

– Вам лучше поехать домой, – мягко заметил он.

– Скоро поеду, – согласилась она. – Но не для того, чтобы спать. Я не могу спать. Оставлю Мелани одну лишь на время, которое понадобится мне, чтобы подготовиться к ее возвращению домой.

– Вы уж извините, что говорю об этом, но мне нужны образцы крови, вашей и Мелани.

Просьба удивила ее.

– Зачем?

Он помялся.

– Ну, по анализам крови, вашей, вашего мужа и девочки, мы сможем точно установить, что она – ваша дочь.

– В этом нет необходимости.

– Это наиболее простой способ...

– Я сказала, в этом нет необходимости, – раздраженно повторила Лаура. – Она – Мелани. Моя маленькая девочка. Я это знаю.

– Я понимаю, каково вам сейчас. – В голосе слышалось сочувствие. – Уверен, что она – ваша дочь. Но, поскольку вы не видели ее шесть лет, за которые она сильно изменилась, поскольку она не может говорить, мы должны иметь вещественные доказательства, а не только ваши инстинкты, иначе суд по делам несовершеннолетних отдаст ее под опеку штата. Вы этого не хотите, не так ли?

– Господи, нет.

– Доктор Пантагельо сказал мне, что образец крови девочки у них есть. На то, чтобы взять несколько кубических сантиметров вашей крови, потребуется лишь минута.

– Хорошо. Но... где?

– Рядом с сестринским постом процедурный кабинет.

Лаура с тревогой посмотрела на закрытую дверь палаты Мелани.

– Мы сможем побыть здесь до прихода полицейского?

– Конечно. – Он прислонился к стене.

Лаура не сдвинулась с места, глядя на дверь.

Молчание становилось все более невыносимым.

– Я была права, не так ли? – Лаура нарушила молчание вопросом.

– Насчет чего?

– Когда сказала, что кошмар не закончится после того, как мы найдем Мелани, а только начнется.

– Да. Вы не ошиблись. Но по крайней мере это начало.

Она знала, о чем он: они могли найти тело Мелани вместе с остальными телами, избитыми, изуродованными, мертвыми. Однако нашли живую Мелани. Будущее тревожило, пугало, вызывало массу вопросов, но это было будущее.

7

Дэн Холдейн сидел за столом, выделенным ему во временное пользование в полицейском участке Ист-Вэлью. На поводавшей виды деревянной поверхности хватало темных пятен, как от затушенных о стол сигарет, так и от разлитого горячего кофе. Но удобства Холдейна не интересовали. Он любил свою работу и мог заниматься ею хоть в палатке.

В этот предрассветный час в полицейском участке царил относительный покой. Большинство потенциальных жертв еще не проснулось, и даже преступникам требовался сон. Понятное дело, что численностью замогильная смена⁴ значительно уступала дневной. Поэтому тишина в эти недолгие, оставшиеся до рассвета минуты нарушалась разве что стрекотом пишущей машинки да ударами швабры уборщицы о ножки пустующих столов. Где-то зазвонил телефон: даже в столь ранний час кто-то попал в беду.

Дэн раскрыл потрепанный брифкейс и разложил его содержимое по столу. Поляроидные фотографии трех тел, найденных в доме в Студио-Сити. Несколько листов, поднятых наугад с пола в кабинете Дилана Маккэффри. Показания соседей. Предварительные заключения coronера и департамента экспертно-технической поддержки (ОТП). И списки.

Дэн верил в списки. У него были списки содержимого ящиков столов, буфетов, стеновых шкафов дома, где совершились убийства, список названий книг, которые стояли на полках в гостиной, список телефонных номеров из блокнота, который лежал у телефонного аппарата в кабинете Маккэффри. И список фамилий, всех фамилий, которые встречались на листах или обрывках бумаги, найденных в доме в Студио-Сити. До завершения расследования он намеревался носить эти списки с собой, доставать их и просматривать в любой свободный момент: за ленчем, в туалете, в кровати, перед тем как выключить свет, чтобы дразнить свое подсознание, надеясь, что в какой-то момент ему удастся найти упущенную ранее важную связь.

Стэнли Холбайн, давний друг и бывший напарник из отдела расследований грабежей и убийств, однажды смутил Дэна, рассказав на рождественской вечеринке отдела длинную и забавную (а также не соответствующую действительности) историю о самых секретных списках Дэна, включая и тот, в который заносилось все съеденное на завтрак, обед и ужин, начиная с девятилетнего возраста, плюс время каждой дефекации и возникающие при этом ощущения. Дэн, красный как рак, слушал, улыбаясь, глубоко засунув руки в карманы, и в конце концов сделал вид, что ему хочется задушить Стэнли. Но в тот момент, когда он уже собрался броситься на своего друга, на пол выпали с полдюжину листков, которые он случайно, вытаскивая руки, достал из карманов, что вызвало гомерический хохот присутствующих, а Дэну пришлось срочно ретироваться в другую комнату.

Теперь же он бегло просмотрел последний комплект списков, смутно надеясь обнаружить что-то важное, какой-то ключевой для расследования момент. Ничего не обнаружилось, и он пошел по второму кругу, теперь уже более внимательно проглядывая каждый список.

Названия книг были сплошь незнакомы. Библиотека состояла из книг по психологии, медицине, естественным наукам, оккультизму. Почему ученый, доктор наук интересовался ясновидением, психическими силами и другими паранормальными феноменами?

Он просмотрел список фамилий. Ни одной знакомой.

И хотя в желудке жгло все сильнее, он раз за разом возвращался к фотографиям тел. За четырнадцать лет в УПЛА и четыре года в армии он насмотрелся на мертвых. Но с таким сталкивался впервые. Видел, во что превращались люди, которые наступали на противопехотные мины. Но даже они выглядели получше, чем эти.

Убийц, конечно же, их было несколько, отличала невероятная сила или нечеловеческая жестокость, а может, и то и другое. Жертв продолжали методично избивать и после того, как несчастные умерли, превращая тела в желе. Какие люди могли убивать со столь беспредельной злобой? Какая маниакальная ярость двигала ими?

⁴ **Замогильная смена** – в полиции, и не только (в частности, на радиостанции круглосуточного вещания), с полуночи до восьми утра.

Прежде чем он успел сосредоточиться на этих вопросах, послышались приближающиеся шаги.

К столу Дэна подходил Росс Мондейл, капитан участка, крепкий, широкоплечий мужчина ростом пять футов и восемь дюймов, с карими глазами, каштановыми волосами и бровями, в темно-коричневом костюме, бежевой рубашке, коричневом галстуке и туфлях. На правой руке он носил тяжелый перстень с ярким рубином, единственным цветовым пятном в облике, выдержанном в коричневых тонах.

Уборщица ушла. В большом зале они остались вдвоем.

– Ты все еще здесь? – спросил Мондейл.

– Нет, это моя картонная копия. А сам я в сортире, ширюсь героином.

Мондейл не улыбнулся:

– Я думал, ты уже уехал к себе.

– Меня приписали к Ист-Вэлью. У смога здесь особый вкус.

Мондейл сердито глянул на него:

– Это сокращение фондов – постоянная головная боль. Раньше, если человек заболел или уходил в отпуск, мне было кем его заменить. А теперь мы должны приглашать людей с других участков, а нередко одалживать своих, хотя у них и тут полно работы. Это же просто кошмар.

Дэн знал, что Мондейл не возражал, если к нему в участок для каких-то расследований присылали кого-то еще. Просто он не любил Дэна. И антипатия была взаимной.

Они вместе учились в полицейской академии, а потом их свели в один патрульный экипаж. Дэн написал рапорт с просьбой дать ему другого напарника, но ничего не добился. И со временем лишь встреча с сумасшедшим, пуля в грудь и длительное пребывание в госпитале позволили Дэну добиться желаемого: вернувшись на службу, он получил нового и более надежного напарника. По натуре Дэн был патрульным. Ему нравилось находиться на улицах, в гуще событий. Мондейл, наоборот, тяготел к кабинетной службе. Умел подать себя и найти подход к нужным людям. Манипулятор, подхалим, льстец, он всегда держал нос по ветру, прекрасно разбирался во внутренних интригах и иерархии полицейского управления, стремился войти в доверие к тем высокопоставленным сотрудникам, которые могли сделать для него максимум возможного, и тут же отворачивался от бывших союзников, если они теряли власть. А кроме того, он умел находить общий язык как с политиками, так и с репортерами. Эти таланты помогали ему продвигаться по службе быстрее Дэна. Ходили слухи, что мэр прочил Росса Мондейла в начальники управления полиции Лос-Анджелеса.

Так что для Дэна у Мондейла не находилось добрых слов.

– У тебя пятно на рубашке, Холдейн.

Дэн опустил голову, увидел пятно цвета ржавчины размером с десятицентовик.

– Хот-дог с соусом «Чили».

– Знаешь, Холдейн, каждый из нас представляет целый участок. Наша обязанность... долг... делать все, чтобы у общественности складывалось о нас самое благоприятное впечатление.

– Ты прав. Больше не буду есть хот-доги с соусом «Чили». Только рогалики с черной икрой. Тогда пятна на рубашке будут совсем другого качества. Клянусь.

– У тебя привычка высмеивать всех вышестоящих офицеров?

– Нет. Только тебя.

– Мне это без разницы.

– Я так и думал.

– Слушай, я не собираюсь вечно терпеть твои выходки только потому, что мы вместе учились в академии.

Ностальгия не была причиной, по которой Мондейл терпел выходки Дэна, и оба это прекрасно понимали. Просто Дэн знал кое-что о Мондейле, и информация эта, став достоянием общественности, могла порушить карьеру капитана. Мондейл совершил некий проступок на втором году службы, когда они еще ездили в одной патрульной машине, и сведения эти стали бы праздником для любого шантажиста. Но Дэн не собирался использовать этот козырь против Мондейла. Да, он презирал капитана, но не мог заставить себя опуститься до шантажа.

Если бы их роли поменялись, Мондейл без всякого сожаления пошел бы на шантаж или разоблачение Дэна, в зависимости от того, что могло принести большую выгоду. И продолжающееся молчание Дэна ставило капитана в тупик, лишало спокойствия, заставляло при каждой их встрече вести себя с крайней осторожностью.

– А если конкретнее? – полюбопытствовал Дэн. – Как долго ты еще будешь терпеть мои выходки?

– Слава богу, не очень-то и долго. – Мондейл улыбнулся. – По окончании этой смены ты возвращаешься на свой участок.

Дэн откинулся на спинку старого стула, который протестующе заскрипел, закинул руки за голову, сплел пальцы на затылке.

– К сожалению, придется тебя разочаровать. Какое-то время я побуду здесь. Этой ночью я занимался убийством. Теперь это мое дело. Полагаю, до конца смены найти убийц мне не удастся. Так что я задержусь у тебя.

Улыбка капитана растаяла, как тает мороженое на раскаленной сковородке.

– Ты выезжал на тройное убийство в Студио-Сити?

– Ага, теперь я понимаю, почему ты приехал в участок в такую рань. Ты об этом услышал. Двух достаточно известных психологов убили при загадочных обстоятельствах, вот ты и решил, что пресса не оставит это расследование без внимания. Как тебе удастся так быстро все узнавать, Росс? Ты спишь, поставив рядом с кроватью полицейскую рацию?

Пропустив вопрос мимо ушей, Мондейл уселся на край стола.

– Есть зацепки?

– Нет. Зато могу показать фотографии жертв.

И удовлетворенно отметил, как кровь отхлынула от лица Мондейла, когда тот увидел изуродованные тела. Капитан даже не досмотрел снимки до конца. Положил на стол.

– Похоже, что грабители потеряли контроль над собой.

– Никакого взлома не было. Деньги мы нашли на каждом теле. Хватало наличных и в доме. Ничего не украли.

– Я этого не знал.

– Но ты должен знать, что грабители обычно убивают, когда загнаны в угол, и стараются это сделать быстро и чисто. Не так, как здесь.

– Всегда бывают исключения, – высокомерно возразил Мондейл. – Даже бабушки грабят банки.

Дэн рассмеялся.

– Но это правда.

– Ты великолепен, Росс.

– Но это правда.

– Моя бабушка банки не грабила.

– Я не говорил, *твоя* бабушка.

– То есть ты хотел сказать, что банки грабила *твоя* бабушка, Росс?

– Чья-то чертова бабушка это делает, и ты можешь поставить на спор свой зад.

– Ты знаком с букмекером, который берет ставки на то, что чья-то бабушка ограбит или не ограбит банк? Если можно выиграть приличные деньги, я, пожалуй, поставлю сотню баксов.

Мондейл слез со стола, поправил узел галстука:

– Я не хочу, чтобы ты здесь работал, сукин ты сын.

– Ты же помнишь старую песню «Роллинг стоунз», Росс. Не всегда можно получить то, что хочешь.

– Я могу отправить твой зад в Центральный участок, где ему самое место.

– Тебе не удастся отправить его без остальных частей моего тела, а остальные части намерены какое-то время побыть здесь.

Лицо Мондейла потемнело. Губы сжались и побелели. Казалось, еще чуть-чуть, и он бросится на Дэна с кулаками.

Но Дэн заговорил до того, как капитан успел совершить что-либо опрометчивое.

– Послушай, ты не можешь снять меня с расследования, которое я начал вести с самого начала, если я не напортачу. Ты знаешь, таковы правила. Но я не хочу собачиться с тобой. Меня это отвлекает. Поэтому давай заключим перемирие, а? Я тебя не цепляю, веду себя как пай-мальчик, а ты не путаешься у меня под ногами.

Мондейл молчал. Тяжело дышал и, похоже, не решался заговорить, опасаясь, что сболтнет лишнее.

– Мы не очень любим друг друга, но это не та причина, которая может помешать нам работать вместе, – добавил Дэн, чтобы окончательно успокоить Мондейла.

– Почему ты не хочешь отказаться от этого расследования?

– Потому что оно интересное. Большинство расследований убийств скучны. Муж убивает бойфренда жены. Какой-нибудь псих убивает женщин, которые напоминают ему мать. Один торговец наркотиками убивает другого торговца наркотиками. Я сталкивался с этим сотню раз. Наводит тоску. А вот здесь, думаю, что-то особенное. Вот почему я не хочу отдавать это расследование. В жизни нам всем необходимо разнообразие. Вот ты, Росс, носишь только коричневые костюмы, и это твоя ошибка.

Шпильку Мондейл проигнорировал.

– Так ты думаешь, на этот раз у нас громкое дело?

– Три убийства... ты не считаешь, что это привлечет внимание?

– Я имел в виду что-то действительно громкое. Вроде семьи Мэйсона или Душителя из Хиллсайда.

– Вполне возможно. Все зависит от того, как пойдет расследование. Но, да, я предполагаю, что это та самая история. Которая увеличивает продажу газет и повышает рейтинги новостных телепрограмм.

Мондейл задумался над словами Дэна, глаза его затуманились.

– Настаиваю я только на одном. – Дэн наклонился вперед, положил руки на стол, изобразил на лице суровость. – Если я буду вести это расследование, то не хочу тратить время на разговоры с репортерами, на интервью. И твоя задача – не подпускать этих мерзавцев ко мне. Пусть сколько хотят снимают кровавые пятна, чтобы им было что показать в дневном выпуске новостей, но рядом со мной их быть не должно. Общаться с ними – не по моей части.

Туман в глазах Мондейла рассеялся, он встретился с Дэном взглядом.

– Да, конечно, никаких проблем. От прессы иной раз одна головная боль. – Возможность покрасоваться перед телекамерами и побеседовать с репортерами Мондейла только радовала. – Я возьму их на себя.

– Отлично.

– И ты будешь докладывать результаты мне, никому, кроме меня.

- Естественно.
- Каждый день, подробный отчет.
- Как скажешь.

Мондейл смотрел на Дэна, не веря своей удаче, но и боясь ее спугнуть. Каждый человек любит помечтать. Даже Росс Мондейл.

– Учитывая нехватку сотрудников и все такое, разве тебе нечем заняться? – спросил Дэн.

Капитан направился к своему кабинету, остановился через пару шагов, обернулся.

– Пока у нас есть трупы двух достаточно известных психологов, а известным людям нравится узнавать всякие новости об известных людях. Так что ты сможешь выйти на другой уровень, отличный от того, на котором находился, когда расследовал убийства наркотики-леров. А кроме того, это расследование привлечет пристальное внимание прессы. Так что мне, скорее всего, придется встречаться с начальником полицейского управления, членами комиссариата, может, даже с мэром.

- И что?
- Поэтому не наступай ни на чьи мозоли.
- Об этом не волнуйся, Росс, я никогда не стану танцевать с этими парнями.

Мондейл покачал головой: «Господи!»

Дэн проводил капитана взглядом. А оставшись один, вернулся к спискам.

8

Небо просветлело, из черного стало серо-черным. Заря еще не выползла из своей норы, но уже подобралась к выходу из нее, и оставалось десять или пятнадцать минут до ее появления над холмистым горизонтом.

Автомобильная стоянка у «Вэлью медикэл» практически пустовала, темноту на ней разгоняли лишь редкие круги света от подвешенных на столбах натриевых ламп.

Сидя за рулем своего «Вольво», Нед Ринк сожалел о том, что ночь подходит к концу. Он предпочитал ночную жизнь, был совой, а не жаворонком. До полудня мало что соображал и лишь после полуночи становился самим собой. Такая особенность его организма пропрограммировалась на генном уровне, потому что в этом он ничем не отличался от своей матери. У них обоих биологические часы шли не так, как это бывает у большинства людей.

Тем не менее ночную жизнь он выбрал сознательно. В темноте чувствовал себя более уверенно, чем при свете дня. Он был уродлив и знал это. Понимал, что днем уродство это бросается всем в глаза, тогда как темнота смягчала его, делала менее заметным. Низкий покатый лоб Неда вроде бы указывал на недостаток ума, но на самом деле он был далеко не глуп. Маленькие глазки располагались слишком близко к крючковатому носу, а остальные черты словно вырубил топором. За широкие плечи, длинные руки и бочкообразную грудь, несоразмерные его росту (ныне пять футов и семь дюймов), его еще в детстве (дети, как известно, жестоки) прозвали Обезьяной. Он так нервно реагировал на их насмешки, что уже к тринадцати годам заработал язву желудка. Но теперь Нед Ринк никому не позволял насмехаться над собой. Теперь, если такой смельчак находился, Нед Ринк просто убивал его, вышибал мозги без малейшего колебания и не испытывая при этом никаких угрызений совести. Он нашел прекрасный способ борьбы со стрессом: язвы давным-давно зарубцевались и более его не беспокоили.

С пассажирского сиденья он взял черный «дипломат», в котором лежали белый врачебный халат, белое больничное полотенце, стетоскоп и полуавтоматический пистолет «вальтер» с глушителем. Пули в патронах были с полыми наконечниками и с тефлоновым покрытием, от таких не спасали и пуленепробиваемые жилеты. Ему не пришлось открывать

«дипломат», чтобы убедиться, что все на месте. Вышеуказанные предметы он уложил туда сам менее чем час тому назад.

Попав в вестибюль больницы, он намеревался напрямик пойти в общественный туалет, снять плащ, надеть белый халат, прикрыть пистолет полотенцем и подняться в палату 256, куда поместили девочку. Ринка предупредили, что около палаты может дежурить полицейский. Его это не смутило. Он знал, как устранить это препятствие. Он намеревался представиться врачом, под каким-то предлогом зазвать копа в палату девочки, где их не могли видеть медсестры, пристрелить сначала этого кретина, затем девочку. А потом сделать по контрольному выстрелу. Приложить ствол к уху каждому и нажать на спусковой крючок, чтобы гарантировать их смерть. Покончив с заданием, Ринк тут же покинул бы палату, спустился вниз, прошел в туалет, взял плащ и «дипломат» и ретировался из больницы.

План был предельно простым и четким, и Ринк не представлял себе, что могло бы помешать его реализации.

Прежде чем открыть дверцу и выбраться из «Вольво», он пристально оглядел стоянку, чтобы убедиться, что за ним не наблюдают. Хотя гроза ушла и дождь уже с полчаса как перестал, город был накрыт легким туманом, который что-то прятал, что-то искажал. Каждую выемку в асфальте наполняла вода, рябь на лужах (ветер все еще продолжал дуть) отражала желтый свет натриевых ламп.

Но, кроме тумана и ветра, в ночи вроде бы ничего не двигалось.

Ринк решил, что он один и его никто не видит.

На востоке серо-черное небо посветлело, начало приобретать розово-голубой оттенок. Заря готовилась показать свое лицо. Еще час, и спокойная ночная жизнь больницы сменится дневной суетой. Пришло время действовать.

Ринку не терпелось перейти к делу. Раньше он никогда не убивал ребенка. Вот и хотелось попробовать что-то новенькое.

9

Девочка проснулась, одна. Села на кровати, попыталась закричать. Рот широко открылся, мышцы шеи напряглись, кровяные сосуды в горле и на висках пульсировали от напряжения, но она не смогла издать ни звука.

Посидела с полминуты, сжимая в маленьких кулачках мокрую от пота простыню. С широко раскрытыми глазами. Но она смотрела и реагировала не на то, что находилось в палате. Ужас лежал за этими стенами.

На какие-то мгновения ее глаза очистились. Она уже понимала, что находится в какой-то комнате.

И тут впервые осознала, что она одна. Вспомнила, кем была, ей отчаянно захотелось, чтобы ее обняли, пригрели, успокоили.

– Привет? – прошептала она. – К-кто-нибудь? Кто-нибудь? Кто-нибудь? Мамик?

Если бы рядом находились люди, возможно, они бы захватили ее внимание и раз и навсегда отвлекли от тех ужасов, которые пугали ее. Но в палате она была одна и не смогла отделаться от кошмара, вонзившего в нее свои когти, так что глаза девочки вновь заволкло. И взгляд устремился куда-то далеко-далеко.

Наконец, отчаянно, безмолвно всхлипывая, она перебралась через предохранительный поручень и вылезла из кровати. Сделала несколько шагов. Опустилась на колени. Тяжело дыша, даже задыхаясь от страха, поползла в темную половину палаты, мимо пустующей кровати, в угол, где дружелюбные тени обещали защиту. Села спиной к стене, лицом к палате, подтянула колени к груди. Больничные халат заканчивался на бедрах. Она обхватила руками тоненькие ножки и сжалась в комочек.

Оставалась в таком положении с минуту, а потом начала пищать и скулить, как испуганное животное. Подняла руки и закрыла лицо, стремясь отсечь что-то отвратительное.

– Нет, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Учащенно дыша, паника все нарастала, она опустила руки и сжала кулаки. Забарабанила по груди, сильнее и сильнее.

– Нет, нет, нет, – повторяла она.

Была сильно, такие удары не могли не вызывать боли, но девочка ее не чувствовала.

– Дверь, – прошептала она. – Дверь... дверь...

Пугали девочку не дверь в коридор или дверь в ванную. Она смутно воспринимала окружающий ее мир, вместо этого концентрируя свое внимание на том, что в этой комнате не мог видеть никто, во всяком случае, находясь в этой больничной палате.

Она подняла обе руки, выставила перед собой, словно уперлась ими в невидимую дверь, изо всех сил пытаясь удержать ее, не дать открыться.

– Не двигайся.

Слабенькие мышцы рук напряглись, но потом ее локти согнулись, словно невидимая дверь имела реальный вес и открывалась, несмотря на все ее усилия. Словно что-то большое неумолимо толкало дверь с другой стороны. Что-то большое и невероятно сильное.

Резко, ахнув, она метнулась из укутанного тенями угла, бросилась на пол. Заползла под пустующую кровать. Она в безопасности. Или нет. Безопасности не найти нигде. Под кроватью она свернулась в клубок, приняла позу зародыша, что-то бормоча, пытаясь спрятаться от неведомой твари за дверью.

– Дверь, – прошептала она. – Дверь... дверь в декабрь.

С руками, скрещенными на груди, с пальцами, вжимающимися в худенькие плечи, она начала тихонько плакать.

– Помогите мне, помогите, – шептала она, но шепот не мог долететь до коридора, где ее могли бы услышать на сестринском посту.

Если бы кто-то откликнулся на ее крик, Мелани могла в ужасе прикинуть к этому человеку, не в силах сбросить покров аутизма, защищавшего ее от мира, жестокость которого она не могла вынести. Даже такой контакт с человеческим существом, когда ей того хотелось, мог бы стать первым маленьким шагом на пути выздоровления. Но из лучших побуждений, люди оставили ее одну, отдыхать, и ее мольба о помощи осталась не услышанной.

Она содрогнулась.

– Помогите мне. Она открывается. Она... открывается, – последнее слово растворилось в глухом стоне черного отчаяния. Боль рвала душу.

Но постепенно частота дыхания замедлилась до нормальной. Рыдания прекратились.

Она лежала в молчании, недвижно, словно крепко спала. Но в темноте под кроватью ее глаза оставались широко открытыми, и видели они кошмар и ужас.

10

Вернувшись домой чуть ли не на рассвете, Лаура сварила себе крепкий кофе. С полной кружкой прошла в спальню для гостей и, пригубивая обжигающий напиток, принялась протирать пыль, застилать кровать, готовиться к приезду Мелани.

Ее четырехлетний кот Перец вертелся рядом, терся о ноги, требовал, чтобы его погладили, почесали за ухом. Кот, похоже, чувствовал, что скоро он перестанет быть главным в доме.

Четыре года Перец заменял Лауре ребенка. В каком-то смысле и дом заменял ей ребенка, служил для выхода энергии, которую Лаура могла бы потратить на свою маленькую девочку.

Шестью годами раньше, после того как Дилан ушел, сняв с банковских счетов все деньги и оставив Лауру без цента, ей пришлось сильно напрячься, чтобы поддерживать дом в должном состоянии. Жили они не в особняке, но в просторном, построенном в испанском стиле двухэтажном доме с четырьмя спальнями в Шерман-Оукс, на престижной стороне бульвара Вентуры, на улице, где во многих домах имелись бассейны, в том числе и с подогревом, откуда детей часто отправляли в частные школы, если держали собак, то не каких-то дворняжек, а породистых немецких овчарок, спаниелей, золотистых ретриверов, эрдель-терьеров и пуделей, зарегистрированных в Американском клубе собаководства⁵. Дом стоял на большом участке, наполовину скрытый коралловыми деревьями, магнолиями, кустами красного и лилового гибискуса, красной азалии и зеленой изгородью. Выложенную плитам дорожку, идущую к парадной двери, с двух сторон окаймлял цветочный бордюр.

Лаура гордилась своим домом. Три года тому назад, перестав нанимать частных детективов для поисков Дилана и Мелани, она стала вкладывать остающиеся после текущих расходов деньги в обновление дома, в гостиной отделала стены дубом, поменяла двери, в большой ванной сменила кафель на темно-синий, поставила новые ванну и раковины, краны с золотым покрытием. Восточный сад Дилана она срыла, потому что он напоминал ей о сбежавшем муже, и заменила розарием, где теперь росли двадцать сортов роз.

В каком-то смысле дом занял место украденной у нее дочери: она тревожилась из-за дома, возилась с ним, прихорашивала. Короче, заботилась о состоянии дома точно так же, как мать заботится о здоровье ребенка.

Теперь у нее отпала необходимость сублимировать материнский инстинкт. Ее дочь наконец-то возвращалась домой.

Перец мяукнул.

Схватив кота за шкуру, Лаура рывком подняла его на уровень лица. Все четыре лапки скребли воздух.

– Для одного жалкого кота любви у меня хватит. Об этом можешь не волноваться, охотник на мышей.

Зазвонил телефон.

Она опустила кота на пол, по коридору прошла в большую спальню, сняла трубку с рычага. «Алло?»

Ответа не услышала. Тот, кто звонил, выждал несколько секунд, потом оборвал связь.

Лаура в тревоге посмотрела на телефон. Может, неправильно набрали номер. Но в этот предрассветный час, в эту экстраординарную ночь звонящий телефон и молчание на другом конце провода вызвали предчувствие дурного.

Она проверила, хорошо ли заперты все дверные замки. Вроде бы неадекватная реакция, но что еще она могла сделать?

Все еще тревожась, она постаралась забыть о звонке и вернулась в пустую комнату, которая когда-то была детской.

Двумя годами раньше она выбросила детскую мебель из спальни Мелани, наконец-то признав, что дочь к этому времени ее переросла. А вот ремонт в спальне делать не стала, исходя из того, что девочка, вернувшись, сможет сама выбрать цвет обоев, рисунок занавесок и все прочее. Собственно, Лаура оставила комнату пустой, потому что (хотя не признавалась в собственных страхах) в глубине сердца не ждала возвращения девочки, смирилась с тем, что ребенок исчез навсегда.

Однако она сохранила несколько игрушек Мелани. И теперь достала ящик с игрушками из стенового шкафа, просмотрела его содержимое. Трехлетние и девятилетние играют в

⁵ Американский клуб собаководства – общественная организация, основанная в 1884 г., включающая более 500 отделений. Штаб-квартира в Нью-Йорке.

разные игрушки, но Лаура нашла две, которые могли бы заинтересовать Мелани: большую куклу Рэггеди Энн⁶, только чуть замызганную, и маленького плюшевого медвежонка с висющими ушами.

Медвежонка и куклу она перенесла в спальню для гостей и посадила на подушки, спинами к изголовью. Переступив порог, Мелани сразу увидела бы их.

Перец запрыгнул на кровать, с любопытством и тревогой приблизился к кукле и медвежонку. Понюхал куклу, лизнул медвежонка, потом свернулся калачиком рядом с ними, вероятно, решив, что они – друзья.

Первые лучи утреннего солнца проникли в комнату через французские окна, говоря о том, что дождь закончился и в сплошных облаках появились разрывы, чем незамедлительно воспользовалось солнце.

Хотя ночью Лауре удалось поспать не больше трех часов, а ее дочь могла покинуть больницу лишь через шесть-восемь часов, вновь ложиться в кровать Лауре не хотелось. Она чувствовала себя бодрой, энергичной. С крыльца взяла запечатанную в пластик утреннюю газету. На кухне из двух апельсинов выжала себе стакан сока, поставила на плиту кастрюльку с водой, достала из буфета коробку овсянки с изюмом, сунула в тостер два ломтика хлеба. И даже напевала («Даниэля» Элтона Джона), когда садилась за стол.

Ее дочь возвращалась домой.

Статьи на первой полосе, напряженность на Ближнем Востоке, вооруженные столкновения в Центральной Америке, козни политиков, ограбления, грабежи и бессмысленные убийства не вызывали у нее привычной озабоченности. Об убийстве Дилана, Хоффрица и третьего неопознанного мужчины ничего не сообщалось. Убитых нашли слишком поздно: утренний выпуск уже ушел в печать. Если бы она прочитала об этой бойне, с соответствующими фотоснимками, в «Таймс», возможно, на сердце у нее не было бы так легко. Но о тройном убийстве в газете она не нашла ни слова, Мелани обещали выписать из больницы во второй половине дня, так что, по большому счету, она знавала и куда более худшие утра.

Ее дочь возвращалась домой.

Закончив завтрак, она отодвинула газету и пересела к окну, посмотрела на розарий. Вымокшие цветы казались неестественно яркими в косых солнечных лучах, такие насыщенные цвета она видела во сне, а не наяву.

Лаура потеряла счет времени, возможно, просидела у окна минуту, а может, и десять, когда из грез ее вырвал раздавшийся где-то в доме грохот. Она вскочила, напряженная, испуганная, перед мысленным взором возникли залитые кровью стены и три тела в матовых пластиковых мешках.

А потом Перец влетел в столовую, потом на кухню, его когти царапали по виниловым плиткам. Промчался мимо Лауры в угол, развернулся, с вздыбленной шерстью, прижав уши к голове, устался на дверь, через которую только что вбежал. А затем, совершенно неожиданно, и выглядело это очень комично, кот изобразил полную беззаботность, свернулся на полу пушистым калачиком, зевнул, поднял на Лауру сонные глаза, как бы говоря: «Кто, я? Потерял свое кошачье достоинство? Даже на мгновение? Ни в коем разе. Испугался? Нелепо!»

– Что ты сделал, котик? Что-то сшиб и испугался?

Кот снова зевнул.

– Лучше бы ты сшиб что-то небьющееся, – продолжила Лаура, – а не то у меня наконец-то появятся теплые наушники из кошачьей шкурки, о которых я давно мечтаю.

Она прошла по дому, чтобы посмотреть, какой нанесен урон. Обнаружила, что Перец буянил в спальне для гостей. Плюшевый медвежонок и Рэггеди Энн валялись на полу. К

⁶ Рэггеди Энн – тряпичная кукла, имеющая вид деревенской девочки с косичками.

счастью, кот не подрал их когтями. Смахнул Перец со столика у кровати и будильник. Лаура подняла его, увидела, что часы тикают, стекло тоже не разбилось. Поставила будильник на положенное место, вернула куклу и медвежонка на кровать.

Странно, Перец три последние года не позволял себе ничего подобного. За это время немного поправился, вел себя смиренно, был всем доволен. И такая перемена в поведении могла трактоваться однозначно: кот знал, что в доме Маккэффри ему придется потесниться.

На кухне Перец по-прежнему лежал в углу.

Лаура наполнила едой его миску.

– К счастью для тебя, ничего не разбилось. Мне бы не хотелось, чтобы из твоей шкуры сшили наушники.

Перец сел, наострил ушки.

Лаура постучала по миске пустой банкой из-под кошачьей еды.

– Пора ам-ам, ты, беспощадный истребитель мышей.

Перец не сдвинулся с места.

– Ладно, поешь, когда захочешь, – Лаура вымыла банку под струей воды в раковине, прежде чем бросить в мусорное ведро.

Перец ракетой вылетел из угла, промчался по кухне, пересек столовую, исчез в гостиной.

– Сумасшедший кот. – Лаура, хмурясь, смотрела на полную миску. Обычно Перец начинал есть еще до того, как весь корм вываливался из банки.

Странно.

Часть 2 Безликие враги

Среда
13.00–19.45

11

В час дня, когда Лаура на своей синей «Хонде» подъехала к «Вэлью медикэл», полицейский в форме, который стоял у въезда на главную автомобильную стоянку, остановил ее и направил на стоянку для сотрудников, открытую для всех «на то время, пока мы во всем разберемся». За его спиной стояли черно-белые патрульные машины УПЛА и автомобили других городских служб, некоторые с включенными мигалками.

Следуя указаниям полицейского и направляясь к стоянке автомобилей сотрудников больницы, Лаура посмотрела направо и за забором увидела лейтенанта Холдейна. Ростом и габаритами он превосходил всех, кто находился на автостоянке. И тут Лаура внезапно поняла, что вся эта суета, возможно, связана с Мелани и убийствами в Студио-Сити.

К тому времени, когда она втиснула «Хонду» между двумя автомобиля с буквами MD⁷ на пластине с номерными знаками и побежала к забору, за которым находилась общественная автостоянка, Лаура уже наполовину убедила себя, что Мелани ранена, похищена или убита. Полицейский у ворот не пропустил ее, даже когда Лаура сказала, кто она такая, и ей пришлось во весь голос звать Дэна Холдейна.

Тот поспешил к воротам, чуть подволакивая левую ногу. Чуть, но подволакивая. Она бы этого не заметила, но страх до предела обострил ее чувства. Он взял Лауру под руку и повел вдоль забора, подальше от ворот, где их никто не мог подслушать.

На ходу она спросила:

– Что случилось с Мелани?

– Ничего.

– Скажите мне правду!

– Это правда. Она в своей палате. Цела и невредима. Какой вы ее и оставили.

Они остановились, и она повернулась спиной к забору, глядя мимо Холдейна на включенные мигалки. Заметила среди патрульных машин и фургон, в каких перевозили трупы.

Нет. Такого просто не могло быть. Найти Мелани после стольких лет поисков и так быстро вновь потерять ее: невысказанно!

Грудь сжало железным обручем. В висках запульсировала кровь.

– Кто умер?

– Я звонил вам домой...

– Я хочу...

– ...пытался связаться с вами...

– ...знать...

– ...последние полтора часа.

– ...кто умер! – потребовала она.

⁷ Буквы MD на пластине с номерным знаком указывают, что владелец автомобиля – врач.

– Послушайте, это не Мелани. Понимаете? – голос звучал необычно мягко и даже нежно для мужчины таких габаритов. – С Мелани все в порядке. Честное слово.

Лаура всмотрелась в его лицо, глаза. И поверила, что он говорит правду. С Мелани все в порядке. Но страх по-прежнему не отпускал Лауру.

– Я попал домой только в семь утра, – продолжил Холдейн. – Буквально упал на кровать. В одиннадцать часов мне позвонили и срочно вызвали в «Вэлью медикэл». Они подумали, что есть какая-то связь между этим убийством и Мелани, потому что...

– Потому что «что»?

– Ну, в конце концов, она – пациент этой больницы. Вот я и пытался связаться с вами...

– Я поехала в магазин, покупала ей одежду, – прервала его Лаура. – Что случилось? Кого убили? Что вы мне такое говорите?

– Мужчину в автомобиле. Вот в том «Вольво». Его труп на переднем сиденье. За рулем.

– Кто он?

– Согласно водительскому удостоверению его, зовут Нед Ринк.

Она привалилась к сетчатому забору, пульс начал медленно замедляться.

– Вы когда-нибудь слышали о нем? – спросил Холдейн. – О Неде Ринке?

– Нет.

– Я подумал, может, он сотрудничал с вашим мужем. Или с Хоффрицем.

– Если и сотрудничал, то я об этом не знаю. Мне незнакомы ни имя, ни фамилия.

Почему вы думаете, что он знал Дилана? Он умер так же, как те трое? Из-за этого? Его забили насмерть, как и остальных?

– Нет. Но умер он странно.

– Расскажите мне.

Холдейн замялся, но по выражению синих глаз она поняла, что речь пойдет еще об одном особенно жестоком убийстве.

– Расскажите мне.

– Ему сломали шею. Такое ощущение, будто кто-то с невероятной силой ударил куском свинцовой трубы аккуратно по адамову яблоку. Ударил не раз. Шея превратилась в пульпу. От дыхательного горла остались одни ошметки, адамово яблоко раздроблено, перелом основания черепа, переломы позвоночника.

– Ясно. – Во рту у Лауры пересохло. – Мне все ясно.

– Извините. Конечно, не та картина, что в Студио-Сити, но тоже необычная. Вы понимаете, почему мы могли решить, что эти преступления взаимосвязаны. В обоих случаях речь идет о необычной жестокости убийц. Конечно, этого парня отделали не так, как тех троих, но все-таки...

Лаура оттолкнулась от забора.

– Я хочу видеть Мелани.

Внезапно она поняла, что должна немедленно увидеться с Мелани. Просто обязана. Не просто увидеться, прикоснуться к девочке, обнять, убедиться, что с ее доченькой все в порядке.

Она направилась к входу в больницу.

Холдейн шагал рядом, чуть прихрамывая, но не морщась от боли.

– Вы попали в аварию?

– Не понял?

– Ваша нога.

– Нет. Футбольная травма со времен колледжа. На втором году обучения серьезно повредил колено. Во влажную погоду оно иногда дает о себе знать. Послушайте, я вам не все рассказал об этом парне из «Вольво», Ринке.

– И что?

- При нем был «дипломат». А в нем белый халат, стетоскоп и пистолет с глушителем.
- Он застрелил свою жертву? Вы ищете человека с пулевым ранением?
- Нет. Из пистолета не стреляли. Но вы понимаете, к чему я клоню? Белый халат?

Стетоскоп?

– Он – не врач, так?

– Нет. И мы полагаем, что он намеревался войти в больницу, надеть белый халат, повесить стетоскоп на шею и прикинуться врачом.

Она посмотрела на него, когда они добрались до бордюрного камня, и поднялась на тротуар.

– И зачем ему все это понадобилось?

– Судя по результатам предварительного осмотра, наш медицинский эксперт считает, что смерть наступила между четырьмя и шестью часами утра, хотя обнаружили труп только без четверти десять. Получается, что он хотел войти в больницу, скажем, в пять утра, то есть должен был выдавать себя за врача, потому что посетителей начинают пускать только с часа дня. Если бы в столь ранний час он поднялся на один из этажей, где расположены палаты, в обычной одежде, его остановила бы или медсестра, или охранник. Но в белом халате, со стетоскопом на груди, он бы ни у кого не вызвал подозрений.

Они подошли к двери, и Лаура остановилась.

– Вы хотите сказать, он приехал в больницу не для того, чтобы навестить кого-то из родственников или друзей?

– Не для того.

– То есть вы уверены, что он намеревался кого-то убить.

– Человек не берет с собой пистолет с глушителем, если не собирается его использовать. Глушители запрещены законом. И наказание предусмотрено очень строгое. Если тебя ловят с глушителем, считай, что ты в тюрьме, и надолго. Я еще не знаю подробностей, но мне сказали, что Ринк – достаточно известная фигура в криминальном мире. Есть подозрения, что последние несколько лет он по заказу устранял неугодных кому-то людей.

– Наемный убийца?

– Я в этом практически уверен.

– Но он приехал сюда не для того, чтобы убить Мелани. Конечно же, в больнице...

– Мы уже отработали этот вариант. Проверили список пациентов в поисках тех, кто связан с преступностью или выступает важным свидетелем на готовящемся судебном процессе. Или крупный наркодилер, или член одной из мафиозных групп. Никого не нашли из тех, кто мог бы быть целью Ринка... за исключением Мелани.

– Вы говорите мне, что Ринк, возможно, убил Дилана, Хоффрица и еще одного мужчину в Студио-Сити... а теперь приехал сюда, потому что Мелани могла видеть, как он убивал остальных?

– Этого нельзя исключить.

– Но тогда кто убил Ринка?

Холдейн вздохнул.

– Вот тут наша логическая цепочка разрывается.

– Тот, кто убил Ринка, не хотел, чтобы он убил Мелани.

Холдейн пожал плечами.

– Если это так, я рада.

– Чему тут можно радоваться?

– Ну, если кто-то убил Ринка, чтобы не позволить ему убить Мелани, значит, у нее есть не только враги. У нее есть и друзья.

– Нет, – в голосе Холдейна слышалась нескрываемая жалость. – Ваш вывод далеко не единственный. Люди, которые убили Ринка, возможно, тоже хотят добраться до Мелани, и ничуть не меньше, чем он... только им она нужна живая.

– Почему?

– Потому что она слишком много знает об экспериментах, которые проводились в этом доме.

– А потом они захотят убить ее, как убили Ринка.

– Если только она не потребует им, чтобы продолжить эксперименты.

Едва эти слова сорвались с его губ, как Лаура поняла, что такое вполне возможно, и ее плечи согнулись под грузом нового страха. Почему Дилан работал с этим Хоффрицем, фанатиком, дискредитировавшим себя в глазах научного сообщества? И кто их финансировал? Ни один официально зарегистрированный фонд, университет или исследовательский институт не выдал бы гранта Хоффрицу после того, как его попросили из ЛАКУ. Ни одно дорожащее своей репутацией научное учреждение не стало бы субсидировать исследования Дилана, человека, который похитил собственную дочь и скрывался от адвокатов жены, человека, который использовал дочь в качестве подопытного кролика в своих экспериментах, поставив ее на грань аутизма. Получается, что те, кто поддерживал Дилана и его исследования, исповедовали такие же безумные идеи, как Дилан и Хоффриц.

Ей хотелось поставить точку в этой истории. Хотелось забрать Мелани домой, окружить теплом и заботой, дать ей счастливую жизнь, потому что если кто на этой земле и заслуживал покоя и счастья, так это ее маленькая девочка. Но теперь «они» этого бы не допустили. «Они» наверняка попытаются вновь украсть у нее Мелани. Ребенок требовался «им» по причинам, которые знали только «они». И кто же они такие, черт побери? Безымянные. Без лица. Лаура не могла бороться с врагом, которого не могла увидеть, разглядеть, узнать.

– Они хорошо информированы, – заметила она. – И не теряют времени даром.

Холдейн моргнул:

– В каком смысле?

– Мелани провела в больнице пару часов, а Ринк уже приехал, чтобы убить ее. Он очень быстро узнал, куда ее отвезли.

– Быстро, – согласился лейтенант.

– Поневоле подумаешь, что у него были хорошие источники информации.

– Источники информации? Вы хотите сказать, в полицейском управлении?

– Возможно. И врагам Ринка не потребовалось много времени, чтобы понять, кого ему заказали. Они действуют чертовски быстро, обе группы.

Она стояла у дверей больницы, смотрела на поток автомобилей, проезжающих мимо, на магазины и конторы на противоположной стороне улицы. Солнечные лучи били в большие стеклянные витрины. Солнечные лучи отражались от ветровых стекол и хромированных деталей легковушек и грузовиков. Лаура смотрела на этот залитый солнцем мир и надеялась заметить что-то подозрительное, указать на человека, которого Холдейн мог бы выследить и поймать, но видела лишь обычных людей, занимающихся обычными делами. Их ординарность злила Лауру, враг никак не хотел выделиться, объявить во всеуслышание: «Вот он я!»

Более того, ее злили даже солнечный свет и теплый воздух. Холдейн только что сказал ей, что кто-то хотел убить ее дочь, а еще кто-то – похитить и вновь засунуть в камеру отсека внешних воздействий, а может, и усадить на электрический стул, чтобы продолжать мучить во имя бог знает каких целей. После таких новостей и в мире все должно быть плохо. К таким новостям очень бы даже подошли вспышки молний и раскаты грома, низко нависшие над землей серо-черные тучи, проливной дождь, холодный порывистый ветер. Казалось несправедливым, что мир вокруг ее нежится в теплых солнечных лучах, другие люди

посвистывают, улыбаются, неспешно прогуливаются, наслаждаются жизнью, тогда как она погружается все глубже в черный кошмар, только не во сне, а наяву.

Лаура посмотрела на Дэна Холдейна. Ветерок ерошил его светло-русые волосы, солнечный свет заострял черты лица, добавляя красоты. При других обстоятельствах он мог бы заинтересовать ее как мужчина. Контраст между внешностью громилы и мягкостью души придавал ему некую загадочность. Но эти неизвестные «они» подгадали ей и в этом, лишили возможности наладить с ним более близкие отношения.

– А почему вы искали меня? – спросила она. – Почему звонили полтора часа? Не для того же, чтобы рассказать о Ринке. Вы знали, что я приеду сюда. Могли бы подождать моего приезда, а уж потом сообщить плохие новости.

Он обвел взглядом автомобильную стоянку, труповозка как раз уезжала с места преступления. Когда вновь посмотрел на Лауру, лицо прорезали морщины, рот превратился в узкую полоску, глаза потемнели от тревоги.

– Я хотел, чтобы вы позвонили в частную службу безопасности и попросили организовать круглосуточную охрану вашего дома после того, как заберете Мелани.

– Нанять ей телохранителя?

– Вот именно.

– Но, если она в опасности, разве управление полиции не может обеспечить ей защиту?

Он покачал головой:

– В ее случае – нет. Напрямую ей никто не угрожал. Не было ни телефонных звонков, ни записок.

– Ринк...

– Мы *не знаем*, приезжал ли он с тем, чтобы убить Мелани. Только подозреваем.

– Но тем не менее...

– Если бы в штате и городе не бушевал бюджетный кризис, если бы финансирование полиции не урезалось, если бы мы не испытывали нехватку сотрудников, тогда, возможно, мы бы напряглись и установили наблюдение за вашим домом. Но в сегодняшней ситуации я эту меру обосновать не могу. А если я без ведома капитана распоряжусь, чтобы за вашим домом установили наблюдение, он подаст на меня рапорт в службу внутренней безопасности, и меня наверняка вышибут с работы. Но частное охранное бюро, профессиональные телохранители... они обеспечат защиту не хуже нас, даже если бы мы располагали необходимыми финансовыми и людскими возможностями. У вас есть средства, чтобы их нанять, хотя бы на несколько дней?

– Полагаю, что да. Я не знаю, сколько это стоит, но я же не бедная. И если вы думаете, что их услуги потребуются лишь на несколько дней...

– У меня есть предчувствие, что все закончится очень быстро. Эти убийства, риск, на который кто-то идет... все говорит за то, что эти люди в жутком цейтноте, что им поставлен какой-то крайний срок. Я понятия не имею, что они делали с вашим ребенком и почему им так нужно снова заполучить ее в свое распоряжение, но я чувствую, что ситуация напоминает огромный снежный ком, который катится с горы, быстро, как скорый поезд, становясь все больше и больше. Сейчас он уже огромный и находится совсем близко от подножия горы. А добравшись туда, разлетится на сотни кусков.

Будучи детским психиатром, Лаура всегда с осторожностью подходила к новому пациенту, долго определялась с лечением, стараясь подобрать оптимальное для каждого конкретного пациента. Но, определившись, без колебаний следовала выбранному курсу. Она была хорошим врачом, целителем психики, и ее успехи придавали ей уверенности, подвигая ее на новые достижения. Но теперь она чувствовала себя потерянной. Маленькой, уязвимой, беспомощной. Подобных ощущений она не испытывала уже несколько лет, с тех пор, как смирилась с потерей Мелани.

– Я... я даже не знаю, как... куда должен идти человек, чтобы найти телохранителей. Холдейн достал бумажник, порылся в нем, вытащил визитную карточку.

– Большинство частных детективов, к которым вы обращались несколько лет тому назад, чтобы разыскать Дилана, скорее всего, предлагают и охранные услуги. Нам не положено давать рекомендаций. Но я хорошо знаю этих парней, и цены у них приемлемые.

Она взяла визитку, прочитала:

КАЛИФОРНИЯ ПАЛАДИН, ИНК.

ЧАСТНЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Личная безопасность

И телефонный номер в нижнем правом углу.

Лаура сунула визитку в сумочку.

– Благодарю.

– Позвоните им до того, как покинете больницу.

– Я позвоню.

– Пусть пришлют человека сюда. Он сможет проводить вас до дома.

Внутри у нее все похолодело.

– Хорошо. – И она направилась к дверям больницы.

– Подождите. – Холдейн протянул еще одну визитную карточку, собственную. – Напечатанный номер – моя линия в Центральном участке, но там вы меня не найдете, потому что сейчас я работаю в участке Ист-Вэлью, и мой нынешний номер я записал на обратной стороне. Я хочу, чтобы вы позвонили мне, если вдруг что-то вспомните о прошлом Дилана или о каких-то его давних исследованиях, которые могли привести к этим.

Она перевернула визитку.

– Тут два номера.

– Нижний – мой домашний, на случай, если вы не найдете меня на службе.

– Разве у вас на службе не принимают сообщений?

– Принимают, но передают с большой задержкой. Если я срочно вам понадоблюсь, я хочу, чтобы вы меня разыскали.

– Вы всем даете свой домашний номер?

– Нет.

– Тогда почему?

– Больше всего на свете я ненавижу...

– Что?

– Такие преступления. Когда жертвами становятся дети. Меня от этого мутит. Закипает кровь.

– Я вас понимаю.

– Да, пожалуй, понимаете.

У одной стены стояли два торговых автомата. Рядом с ними погромыхивала машина для приготовления льда. За спиной Лауры тихонько гудел холодильник. Она сидела напротив Йбарры за длинным столом, на котором лежали зачитанные до дыр журналы и стояли две пепельницы, полные окурков.

Педиатр, смуглый, хрупкий, с правильными чертами лица, держался крайне формально. Его идеально расчесанные волосы напоминали лакированный парик. Лаура отметила и стоящий колом ворот рубашки, и безупречный узел галстука, и сшитый по фигуре белый халат. Ходил он так, словно боялся испачкать туфли, сидел, расправив плечи и подняв голову. Оглядел крошки и пепел от сигарет на столе, поморщился и оставил руки на коленях.

Лаура решила, что этот мужчина ей не нравится.

Говорил доктор Йбарра властно, рубя слова:

– Физически ваша дочь в хорошем состоянии, на удивление хорошем, учитывая обстоятельства. У нее недостаток веса, но не такой уж и большой. На правой руке синяк от многочисленных внутривенных инъекций, которые делались не очень умело. В уретре небольшое воспаление, причиной которого, вероятно, являлся катетер. Я прописал ей необходимое лекарство. И это все проблемы, связанные с ее физическим состоянием.

Лаура кивнула:

– Я знаю. И приехала, чтобы увезти ее домой.

– Нет, нет, я бы этого не советовал, – покачал головой доктор Йбарра. – Во-первых, вам будет слишком сложно обеспечить ей должный уход на дому.

– Она ничем не больна?

– Нет, но...

– Она не доставляет неудобств?

– Нет. Пользуется туалетом.

– Она может сама есть?

– В принципе да. Ее нужно начать кормить, но потом она ест сама. Но за ней нужно следить, потому что после нескольких ложек она вроде бы забывает, что делает, теряет интерес к еде. Ей нужно говорить, что она должна есть и дальше. И помогать одеваться.

– Я со всем этим справлюсь.

– И все-таки мне бы не хотелось ее отпускать, – гнул свое Йбарра.

– Но прошлой ночью доктор Пантагельо сказал...

При упоминании Пантагельо Йбарра поморщился. В его голосе слышалось пренебрежение.

– Доктор Пантагельо только осенью закончил ординатуру и подписал контракт с нашей больницей месяц тому назад. Я же здесь главный педиатр, и, по моему мнению, вашей дочери лучше остаться здесь.

– Надолго?

– Ее состояние характеризуется симптомами, возникающими у ребенка при длительном пребывании в заточении и при жестоком обращении. Ей следует остаться у нас, пока мы не проведем полное психиатрическое обследование. На это уйдет неделя... может, десять дней.

– Нет.

– Для ребенка это будет наилучший вариант. – От голоса так и веяло холодом. И возникли серьезные сомнения в том, что доктора Йбарру действительно волновало благополучие ребенка.

Так что Лаура не могла не задаться вопросом: «А что чувствуют дети, имея дело с таким суровым врачом?»

– Я сама детский психиатр, – ответила она. – Так что смогу оценить ее состояние и окружить должной заботой дома.

– Лечить собственную дочь? – Йбарра вскинул брови. – Не думаю, что это разумно.
– Я с вами не согласна, – она не собиралась объяснять этому человеку свои резоны.
– Послушайте, после проведения обследования и определения лечения мы сможем провести его здесь. У вас дома нет необходимого оборудования.

Лаура нахмурилась:

– Оборудования? Какого оборудования? О каком, собственно, лечении вы говорите?
– Это решать доктору Гехагену в отделении психиатрии. Но если Мелани будет оставаться в таком состоянии, или оно будет ухудшаться... я думаю, он порекомендует барбитураты и электросудорожную терапию...

– Черта с два! – резко бросила Лаура, отодвинула стул, вскочила.

Йбарра моргнул, удивленный ее враждебностью.

– Наркотики и электрошок – именно этим, среди прочего, и потчевал ее отец, будь он проклят, последние шесть лет.

– Но, разумеется, мы будем использовать другие наркотики и другой электрошок, да и наши намерения...

– Да, конечно, но откуда Мелани знать, какие у вас намерения? Я знаю, для некоторых пациентов барбитураты и даже электросудорожная терапия дают хорошие результаты, но для моей дочери они не годятся. Ей нужно вернуть уверенность в себе, чувство собственного достоинства. Ей нужно освободить от страха и боли. Ей нужны спокойствие и постоянство. Ей нужно... чтобы ее любили.

Йбарра пожал плечами:

– Вы не подвергнете опасности здоровье девочки, забирая ее домой сегодня, поэтому у меня нет возможности запретить вам уйти вместе с ней.

– Вот и прекрасно, – подвела черту Лаура.

* * *

Труповозка уехала, но технические эксперты еще продолжали возиться с «Вольво», когда Керри Берн, один из патрульных, подошел к Дэну Холдейну.

– Звонок из Ист-Вэлью, от капитана Мондейла.

– Ага. Нашего достопочтенного и славного капитана.

– Он хочет немедленно вас видеть.

– Он по мне соскучился?

– Причина не называлась.

– Готов спорить, соскучился.

– У вас с Мондейлом что-то личное?

– Конечно же, нет. То есть Мондейл, возможно, и гей, но я западаю только на женщин.

– Вы понимаете, о чем я. Вы же терпеть друг друга не можете!

– Неужели это заметно? – игриво спросил Холдейн.

– А заметно, что собаки не любят кошек?

– Скажем так, если я буду гореть ярким пламенем, а у Росса Мондейла будет единственное в радиусе десяти миль ведро с водой, я предпочту гасить огонь собственной слюной.

– Тогда мне все ясно. Так вы возвращаетесь в Ист-Вэлью?

– Он же мне приказал, не так ли?

– Но вы туда поедете? Я должен позвонить и подтвердить.

– Конечно.

– Так я звоню и говорю, что вы уже выехали.

– Абсолютно.

Керри направился к своей патрульной машине, а Дэн сел за руль седана. Выехал с автомобильной стоянки и повернул к центру города, тогда как Ист-Вэлью и Росс Мондейл находились в противоположной стороне.

* * *

До разговора с доктором Йбаррой Лаура позвонила в частную охранную фирму, порекомендованную Дэном Холдейном. И к тому времени, когда она, переговорив с Йбаррой, одела Мелани в джинсы, клетчатую синюю блузку и кроссовки и подписала все необходимые для выписки документы, в больницу уже прибыл сотрудник «Калифорния паладин».

Звали его Эрл Бентон, и выглядел он как деревенский парень, который однажды проснулся не в том доме, и ему пришлось брать одежду из гардероба банкира. Его светлые волосы были зачесаны назад, модно подбриты на висках, не парикмахером – стилистом, но ему это совершенно не шло. Его простецкое, с грубыми чертами лицо куда лучше сочеталось бы с торчащими во все стороны вихрами. Шея диаметром в добрые семнадцать дюймов буквально рвалась из воротничка рубашки от Ива Сен-Лорана. Чувствовалось, что ему неуютно в сером костюме-тройке. А его огромные, с толстыми пальцами кисти просто не могли выглядеть изящными, однако маникюр ему явно делал профессионал.

Лаура могла с первого взгляда сказать, что Эрл – один из тех десятков тысяч людей, что ежегодно приезжают в Лос-Анджелес, чтобы подняться по социальной лестнице, и ему, похоже, это удалось. Более того, она предположила, что он будет подниматься и дальше, обтачивая свои грубые углы и все более обживаясь в костюмах известных модельеров. Он ей понравился. И широкой, обаятельной улыбкой, и манерой держаться, и цепким, наблюдательным взглядом. Они встретились в коридоре, около двери в палату Мелани, а после того, как Лаура более детально, чем по телефону, объяснила ситуацию, она спросила:

– Вы вооружены?

– Да, мэ.

– Хорошо.

– Я буду с вами до полуночи, – добавил Эрл, – а потом меня сменит другой наш сотрудник.

– Отлично.

Через пару минут, когда Лаура вывела Мелани из палаты, Эрл присел рядом с малышкой на корточки.

– Какая ты красивая девочка.

Мелани промолчала.

– Должен отметить, ты очень напоминаешь мне мою сестру Эмму.

Мелани смотрела сквозь него.

Взяв вялую руку девочки в свои две, огромные, как лопаты, Эл продолжил, словно это был диалог, а не монолог:

– Эмма, она на девять лет моложе меня, сейчас учится в первом классе средней школы. Она вырастила двух призовых бычков, моя Эмма. Теперь у нее целая коллекция премиальных ленточек, штук двадцать, не меньше, с различных конкурсов, включая выставки домашних животных на ярмарках трех округов. Ты что-нибудь знаешь насчет бычков? Любишь животных? Бычки, они лучше всех. У них такие милые мордашки. Готов спорить, ты бы с ними отлично ладила, так же как Эмма.

Глядя на то, как Эрл Бентон воркует с Мелани, Лаура поняла, что он все больше и больше ей нравится.

– Отныне, Мелани, тебе не о чем волноваться, понимаешь? – спросил он. – Я – твой друг, а пока Эрл Бентон твой друг, никто не посмеет даже косо на тебя посмотреть.

Девочка, похоже, и не подозревала о его присутствии.

Он отпустил ее ручку, и она, как плеть, упала вниз, повисла вдоль бока.

Эрл поднялся, повел плечами, чтобы расправить пиджак, повернулся к Лауре.

– Так вы говорите, вина за то, что она такая, лежит на ее отце?

– Он – один из тех, кто несет за это ответственность, – ответила Лаура.

– И он... мертв?

– Да.

– Но кто-то из остальных еще жив, не так ли?

– Да.

– С удовольствием бы встретился с одним из них. И поговорил. Наедине. С большим удовольствием. – В голосе Эрла слышались резкие нотки, глаза вспыхнули ледяным светом. И впервые Лаура поняла, что этот человек очень и очень опасен для своих врагов.

Ей это тоже понравилось.

– А теперь, мэ... доктор Маккэффри, так, полагаю, мне следует к вам обращаться, когда мы будем выходить отсюда, я пойду первым. Я знаю, джентльмены так не поступают, но отныне я буду практически всюду идти на пару шагов впереди, можно сказать, разведывать дорогу.

– Я уверена, никто не будет стрелять в нас ясным днем, – ответила Лаура.

– Может, и не будет. Но я все равно пойду первым.

– Хорошо.

– Если я попрошу вас что-то сделать, делайте незамедлительно, и никаких вопросов.

Понятно?

Она кивнула.

– Возможно, я не буду кричать. Возможно, скажу «бегите» или «ложитесь на землю» приятным голосом, каким говорят: «Добрый день». Так что будьте начеку.

– Я понимаю.

– Хорошо. Я уверен, все у нас будет хорошо. А теперь, дорогие дамы, вы готовы к отъезду домой?

Они направились к лифту, спустились в вестибюль.

Как минимум тысячу раз за последние шесть лет Лаура грезила о том знаменательном дне, когда она приведет Мелани домой. Она представляла себе, что это будет самый счастливый день в ее жизни. И никак не думала, что ей понадобится прибегать к услугам телохранителя.

13

В Центральном участке Дэн Холдейн получил от сотрудника архивного отдела два досье и с ними прошел к одному из маленьких столиков, что стояли у стены.

На обложке первого значилось: Эрнст Эндрю Купер. Проверка отпечатков пальцев показала, что именно он погиб прошлой ночью в доме в Студио-Сити, вместе с Диланом Маккэффри и Вильгельмом Хоффрицем.

Куперу было тридцать семь лет, при росте в пять футов и одиннадцать дюймов весил он сто шестьдесят фунтов. В досье имелись фотографии: анфас и в профиль, сделанные при последнем аресте, но пользы от них Дэну не было никакой, потому что лицо убитого превратили в лишенную черт кровавую пульпу. Так что он полагался исключительно на отпечатки пальцев.

Жил Купер в Хэнкок-Парк, на улице, застроенный домами, стоимость которых измерялась миллионами и десятками миллионов долларов. Он был председателем совета директоров и главным акционером «Купер софтех», процветающей фирмы, продукцией которой

являлось программное обеспечение компьютеров. В пределах Лос-Анджелеса его арестовывали трижды, всякий раз за вождение в нетрезвом виде, и ни разу при нем не было водительского удостоверения. Он опротестовывал аресты, каждый раз дело передавалось в суд, его трижды признавали виновным, приговаривали к штрафу, но за решетку он ни разу так и не попал. В каждом случае патрульные, которые арестовывали его, отмечали, что Купер называл арест аморальным и считал, что при этом нарушаются его конституционные права, поскольку государство заставляет человека носить при себе идентификационный документ, пусть и всего лишь водительское удостоверение. Второй патрульный записал: «...мистер Купер проинформировал меня, что он (мистер Купер) является членом организации «Свобода теперь», которая поставит все государства на колени, и эта организация использует его арест, как пробный камень для определения соответствия конституции некоторых законов. Потом он назвал меня невольным орудием сил тоталитаризма, после чего его вырвало, и он отключился».

Улыбнувшись последней фразе, Дэн закрыл досье и взялся за второе, Эдуарда Филиппа Ринка. Его очень заинтересовала личность этого наемного убийцы, но сначала вместе с досье он переместился за один из трех компьютеров. Включил его, ввел пароль допуска, попросил сведения об организации «Свобода теперь».

И после короткой паузы на мониторе начала появляться затребованная им информация.

«СВОБОДА ТЕПЕРЬ»

Политическая организация, зарегистрированная в федеральной комиссии по проведению выборов и департаменте налогов и сборов.

Пожалуйста, учтите:

«СВОБОДА ТЕПЕРЬ» – легитимная организация частных лиц, реализующих свои конституционные права. Эта организация не являлась объектом какого-либо полицейского расследования и не должна стать объектом такого расследования до тех пор, пока ее действия не выходят за рамки, определенные и утвержденные федеральной комиссией по проведению выборов. Вся информация в этом файле собрана из открытых источников. Этот файл создан с единственной целью – идентифицировать легитимные политические организации и отделить их от групп, занимающихся подрывной деятельностью. Существование этого файла ни в коем случае не является подтверждением наличия особого интереса полиции к организации «Свобода теперь».

УПЛА подвергалось серьезной критике со стороны Американского союза гражданских свобод и других правозащитных организаций за тайную слежку за политическими группами, которые подозревались в опасной подрывной деятельности. Управление по-прежнему вело расследование деятельности террористических организаций, но его обязали воздержаться от внедрения своих агентов в легитимные политические организации до тех пор, пока собранные доказательства не убедят судью, что данная конкретная организация тесно связана с группами, которые занимаются террористической деятельностью.

Это вступление Дэн знал чуть ли не наизусть, поэтому сразу сдвинул курсор ниже.

«СВОБОДА ТЕПЕРЬ» – руководство:

Президент: Эрнст Эндрю Купер, Хэнкок-Парк

Казначей: Вильгельм Стивен Хоффриц, Уэствуд
Секретарь: Мэри Кэтрин О'Хара, Бербэнк

«СВОБОДА ТЕПЕРЬ» создана и зарегистрирована в 1989 г. с целью поддержки либерально ориентированных кандидатов, публично заявляющих о своем намерении постепенного сведения функций государства до абсолютного минимума и такого же постепенного роспуска всех политических партий.

Купер и Хоффриц, президент и казначей, оба убиты. А сама организация создана в тот год, когда Дилан Маккэффри исчез вместе с малолетней дочерью. Возможно, это совпадение, а может быть, и нет.

В любом случае любопытный момент.

Дэну потребовалось двадцать минут, чтобы просмотреть файл и выписать заинтересовавшие его сведения. Потом он выключил компьютер и раскрыл досье Неда Ринка.

Документов в досье хватало, и Холдейн с интересом просматривал их один за другим. Ринку, которого этим утром нашли мертвым в «Вольво», исполнилось тридцать девять лет. В двадцать один он закончил Лос-Анджелесскую полицейскую академию, четыре года прослужил в полиции, по вечерам изучая в университете уголовное законодательство. Дважды становился объектом внутреннего расследования в связи с обвинениями в чрезмерной жестокости, но из-за недостатка доказательств никаких мер по отношению к нему не предпринималось. Он подал заявление в ФБР, его взяли, и он проработал в Бюро пять лет. Девять лет назад Ринка отчислили из ФБР, причина в досье не указывалась, хотя имелся намек на превышение полномочий более чем в одном случае и излишнее усердие при допросе подозреваемого.

Дэн подумал, что знаком с таким типом людей. Некоторые выбирают службу в полиции, потому что хотят работать на благо общества, для других полицейские были героями детства, у третьих в полиции работали отцы, четвертые полагали эту работу престижной и гарантирующей высокую пенсию. Наверное, причин существовала добрая сотня. Но таких, как Ринк, привлекала власть. Они просто ловили кайф, отдавая приказы, потому что им нравилось командовать людьми, нравилось почтение, с которым относятся к власти имущим.

Согласно досье восемь лет тому назад, через год после увольнения из ФБР, Ринка арестовали за нападение с покушением на убийство. Потом обвинение переквалифицировали на простое нападение, чтобы гарантировать обвинительный приговор, и Ринк отсидел десять месяцев, после чего его досрочно освободили за примерное поведение. Шесть лет тому назад его арестовали снова, по подозрению в убийстве. С уликами не сложилось, и обвинение с него сняли. После этого Ринк стал осторожнее. Правоохранительные органы города, штата, страны предполагали, что он – наемный убийца, который выполняет заказы преступного мира и всех, кто готов хорошо заплатить за его услуги, и за последние пять лет косвенные улики связывали его с девятью убийствами (возможно, это была только верхушка айсберга), но никому не удалось собрать достаточно улик, чтобы арестовать Ринка и передать дело в суд.

Однако теперь ему воздали по заслугам.

Правда, без участия правоохранительных ведомств или судебных инстанций.

Холдейн закрыл досье, положил его поверх досье Купера и вытащил из кармана списки, связанные с последним расследованием. Несколько минут просматривал их и на этот раз нашел знакомые имя и фамилию: Мэри О'Хара, секретарь общественной организации «Свобода теперь». Номер ее телефона значился в блокноте, который лежал на столе в кабинете Дилана Маккэффри.

Он убрал списки и задумался. Два доктора психологии, оба раньше работали в ЛАКУ, оба мертвы. Один бизнесмен-миллионер и политический активист – мертв. Один бывший коп, бывший агент ФБР и подозреваемый наемный убийца мертв. Странная серая комната в обычном, неприметном доме в пригороде, где маленькую девочку, среди прочего, пытали электрошоком. И пытал ее отец. Великий бог «жареной» журналистики щедро одаривал свою паству: пресса не могла не ухватиться за эту историю.

Дэн вернул оба досье сотруднику архивного отдела и на лифте поднялся в ДЭТП, департамент экспертно-технической поддержки.

14

Как только они добрались до дома, Эрл Бентон обошел все комнаты, чтобы убедиться, что окна и двери заперты. Потом опустил жалюзи, сдвинул портьеры и посоветовал Лауре и Мелани держаться подальше от окон.

Взяв несколько журналов из стопки, что лежала в кабинете Лауры, Эрл пододвинул кресло к одному из окон гостиной, из которого мог видеть дорожку, ведущую к крыльцу, и улицу.

– Со стороны может показаться, что я бездельничаю, но волноваться нет нужды. Журналы меня не отвлекают.

– Я и не волнуюсь.

– По большей части наша работа – это сидеть и ждать. И человек может сойти с ума, если у него нет журнала или газеты.

– Я понимаю, – заверила его Лаура.

Перец, кот, в большей степени заинтересовался Эрлом, тогда как Мелани не произвела на него особого впечатления. Осторожно кружил вокруг него, изучал, обнюхивал ноги. Наконец прыгнул на колени, требуя ласки.

– Хороший котик. – Эрл почесал Перца за ушами.

На морде кота отражалось блаженство.

– Так быстро он сходится далеко не со всеми, – заметила Лаура.

Эрл улыбнулся:

– Всегда умел найти подход к животным.

Пусть это покажется глупостью, но именно отношение Перца к телохранителю окончательно убедило Лауру в том, что ему можно полностью доверять.

«И что сие должно означать? – спросила себя Лаура. – Разве ранее я ему не полностью доверяла? Подсознательно сохраняла какие-то сомнения?»

Его наняли, чтобы охранять ее и Мелани, для этого он и приехал сначала в больницу, а потом в ее дом. У нее не было причин подозревать, что он связан как с людьми, которые хотели убить Мелани, так и с теми, кто хотел захватить ее живой и запереть в какой-нибудь другой серой комнате.

И однако именно в этом Лаура подозревала Эрла, глубоко внутри, на чисто подсознательном уровне.

Она поняла, что ей уже пора бороться с паранойей. Она не знала, кто ее враги: лиц у них по-прежнему не было. Поэтому и возникало естественное желание подозревать всех и вся, а это могло привести к печальному результату: она бы решила, что против нее и Мелани объединился весь мир.

Сварив кофе Эрлу и себе, она приготовила Мелани горячий шоколад и отнесла в кабинет, где ждала девочка. Ранее она уже позвонила в больницу Святого Марка, договорилась об отпуске и попросила помощницу на этой неделе самой принять всех частных пациентов.

Она собиралась начать лечение Мелани в этот же день, но не знала, как проводить сессию в одной комнате с Эрлом, который мог отвлекать девочку.

Кабинет у Лауры был маленький, но уютный. Две стены занимали стеллажи от пола до потолка, уставленные книгами, от популярных романов до специальной литературы по психологии. Две другие драпировались бежевой тканью из волокна рами. На одной, напротив окна, висели две репродукции картин Делакруа. Обстановка состояла из письменного стола темной сосны, стула с бежевой обивкой, кресла-качалки и изумрудно-зеленого дивана со множеством подушек. Две лампы на одинаковых тумбочках освещали кабинет мягким янтарным светом. Ранее Эрл задернул изумрудно-зеленые шторы на обоих окнах.

Мелани сидела на диване, положив руки на колени, уставившись на ладони.

– Мелани.

Девочка не шевельнулась, ничем не показала, что знает о присутствии матери.

– Сладенькая, я принесла тебе чашку горячего шоколада.

Девочка вновь не отреагировала, поэтому Лаура села рядом с ней. Держа кружку какао в одной руке, вторую она подsunула под подбородок Мелани, приподняла ее голову, заглянула в глаза. Они оставались пустыми, и Лаура не смогла войти хоть в какой-то визуальный контакт с дочерью.

– Я хочу, чтобы ты выпила какао. Оно очень вкусное. Тебе понравится. Я знаю, что понравится.

Она прислонила ободок чашки к губам дочери и после долгих уговоров убедила ее сделать маленький глоток. Часть какао вытекла на подбородок Мелани, и Лаура вытерла его бумажной салфеткой до того, как капли могли упасть на блузку или диван. Дальнейшие уговоры привели к тому, что Мелани продолжила пить, уже не проливая какао. И наконец тоненькие ручки поднялись и сжали кружку, так что Лаура смогла ее отпустить. Как только кружка оказалась в руках девочки, она быстро, с жадностью допила горячий шоколад. Когда в кружке ничего не осталось, облизнулась. В глазах на кратчайший момент блеснула жизнь, она словно поняла, где находится. На секунду, не больше чем на секунду, ее взгляд встретился со взглядом матери, и она смотрела уже не сквозь, как прежде, а на нее. Мгновение контакта вдохновило Лауру. Но, увы, Мелани тут же ушла в свой, никому не ведомый внутренний мир, и ее глаза затуманились. Но теперь Лаура знала, что ее ребенок способен возвратиться из ссылки, в которую сам себя и отправил. А значит, существовал шанс, что она вернется в реальность не на мгновение, а навсегда.

Она взяла пустую чашку из рук Мелани, поставила на одну из тумбочек, бочком села на диван, лицом к девочке. Сжала обе руки Мелани своими.

– Сладенькая, это было так давно, ты была такая маленькая, когда мы виделись в последний раз... Может, ты точно не знаешь, кто я. Я – твоя мама, Мелани.

Девочка не отреагировала.

Лаура говорила мягко, убедительно, шаг за шагом рассказывала обо всем, потому что точно знала: на каком-то, пусть подсознательном, уровне девочка могла ее понять.

– Я привела тебя в этот мир, потому что больше всего на свете хотела ребенка. Ты была прекрасным младенцем, таким сладким, никому не доставляла хлопот. Ты научилась ходить и говорить раньше, чем я ожидала, и я тобой очень гордилась. А потом тебя украли у меня, и пока тебя не было, я хотела только одного, чтобы ты ко мне вернулась. Хотела вновь обнять тебя, вновь любить. И теперь, дитя мое, самое главное – вылечить тебя, вытащить из той дыры, в которой ты прячешься. Я собираюсь это сделать. Сладенькая. Я сделаю так, чтобы тебе стало хорошо. Помогу тебе выздороветь.

Девочка молчала.

Зеленые глаза показывали, что внимание Мелани сосредоточено совсем на другом.

Лаура усадила дочь себе на колени, обняла, прижала к себе. Какое-то время они просто сидели, тесно прижавшись друг к другу, возрождая узы любви и привязанности, необходимые для успешного лечения.

Несколько минут спустя Лаура поймала себя на том, что уже напевает колыбельную, шепотом произнося слова. Пальцами она гладила Мелани по лбу, убирая волосы с лица. Глаза девочки оставались затуманенными, устремленными в никуда, но она поднесла руку к лицу и сунула большой палец в рот. Словно превратилась в маленького ребенка. Так она делала в три года.

Глаза Лауры наполнились слезами. Голос задрожал, но она продолжала напевать, поглаживая шелковистые волосы Мелани. Потом вспомнила, сколько положила усилий на то, чтобы отучить трехлетнюю Мелани сосать палец, и подивилась тому, как теперь ей это нравится, как тронута она этим всунутым в рот большим пальцем.

Фактически у нее так поднялось настроение и она так воодушевилась как сосанием пальца, так и мгновением прямого визуального контакта после выпитой чашки горячего шоколада, что решила попробовать гипноз прямо сегодня, не ждать, как планировала раньше, завтрашнего дня. В полном сознании и в полукататоническом состоянии ребенок глубоко ушел во внутренний мир и не хотел возвращаться оттуда. Загипнотизированная, Мелани могла стать более податливой, лучше откликаться на предложения, могла пройти хотя бы часть пути, отделяющего ее от реального мира.

В сравнении с обычным человеком, загипнотизировать того, кто находится в таком состоянии, как Мелани, было или проще, или невозможно. Продолжая напевать колыбельную, Лаура начала массировать виски девочки, пальцы ее описывали небольшие круги, усиливая давление. Когда веки ребенка начали подрагивать, Лаура перестала петь и зашептала:

– Давай, крошка. Засыпай, крошка, засыпай, я хочу, чтобы ты заснула, расслабься... ты просто погружаешься в глубокий, естественный сон... опускаешься, как перышко, планирующее в застывшем теплом воздухе... планируешь все ниже и ниже... спи... но будешь по-прежнему слышать мой голос... вниз и вниз ты опускаешься, неспешно, как перышко... но мой голос будет следовать за тобой в сон... вниз... вниз... и ты будешь слышать меня и отвечать на все мои вопросы... будешь спать, но ты будешь слышать и слушаться. – Лаура продолжала массировать виски Мелани все более легкими движениями, пока глаза девочки не закрылись, а ровное дыхание не указало на то, что она крепко спит.

Перец вошел в дверь, с любопытством уставился на них. Потом пересек комнату, прыгнул на кресло-качалку, свернулся в клубок.

Лаура заговорила, по-прежнему держа дочь на коленях:

– Ты сейчас опустилась вниз, крепко спишь. Но ты слышишь мой голос и будешь отвечать мне, когда я стану задавать тебе вопросы.

Лицевые мышцы девочки расслабились, губы чуть разошлись.

– Ты меня слышишь, Мелани?

Девочка не ответила.

– Мелани, ты меня слышишь?

Девочка вздохнула, вздох этот был таким же мягким, как свет, идущий от бронзовых ламп под стеклянными абажурами цвета янтаря.

– Ах...

Это был первый звук, произнесенный Мелани при Лауре с того момента, как последняя увидела дочь на больничной койке.

– Как тебя зовут?

Девочка нахмурила лоб.

– Мах...

Перец поднял голову.

– Мелани? Это твое имя? Мелани?

– Мах... мах...

Перец наострил уши.

Лаура решила перейти к следующему вопросу:

– Ты знаешь, кто я, Мелани?

Во сне малышка облизала губы.

– Мах... мах... это... ах... это... – Она дернулась и начала поднимать руку, словно от чего-то защищаясь.

– Успокойся, – сказала Лаура. – Расслабься. Успокойся и расслабься. Спи. Ты в безопасности. Со мной ты в безопасности.

Девочка опустила руку. Вздохнула.

Когда складки на лице Мелани разгладились, Лаура повторила вопрос:

– Ты знаешь, кто я, Мелани?

Складки тревоги или страха вновь вернулись на лицо девочки, и в ответ Лаура услышала:

– Амм... ах... ах-ах-ах... это... это...

Лаура попыталась зайти с другой стороны.

– Чего ты боишься, Мелани?

– Это... это... там... – Теперь страх отчетливо читался на бледном, как полотно, лице девочки.

– Что ты видишь? – спросила Лаура. – Чего ты боишься, сладенькая? Что ты видишь?

– Это... там... это...

Перец поднял голову, выгнул спину. Напрягся, не сводя глаз с девочки.

Воздух вдруг застыл, стал тяжелым.

И хотя такого быть не могло, Лауре показалось, что тени по углам потемнели и вытянулись вперед, наползая на диван.

– Это... там... нет, нет, нет, нет.

Лаура положила руку на изрезанный складками лоб дочери, заверяя ее, что все в порядке, дожидаясь, когда девочка заговорит. Ее саму охватила тревога. Она почувствовала, как холод, словно живое существо, ползет от поясницы по позвоночнику, поднимаясь все выше.

– Где ты, Мелани?

– Нет...

– Ты в серой комнате?

Девочка закричала зубами, плотно закрыла глаза, пальцы сжались в кулаки, словно она активно чему-то сопротивлялась. Лаура собиралась увести ее в прошлое, вернуть в серую комнату в доме в Студио-Сити, но, похоже, девочка сама вернулась туда, как только ее загипнотизировали. Но такого не могло быть: Лаура никогда не слышала о спонтанном гипнотическом перемещении в прошлое. Пациента следовало направлять, постепенно приближаясь вместе с ним к месту получения психической травмы.

– Где ты, Мелани?

– Н-нет... это... нет!

– Расслабься. Успокойся. Чего ты боишься?

– Пожалуйста... нет...

– Успокойся, сладенькая. Что ты видишь? Скажи мне, крошка. Скажи маме, что ты видишь? Резервуар, камеру отсечения внешних воздействий? Никто больше не посадит тебя туда, крошка.

Но пугал девочку не резервуар. Так что заверения матери ее не успокоили.

– Это... это...

– Стул для болевой терапии? Электрический стул? Тебя больше не посадят и на него, сладенькая.

Девочку ужасало что-то другое. По ее телу пробежала дрожь, она напряглась, словно хотела соскочить с колен Лауры, убежать.

– Сладенькая, со мной ты в безопасности, – шептала Лаура, еще сильнее прижимая Мелани к себе. – Тебе никто не причинит вреда.

– Открывается... она открывается... нет... она... открывается...

– Успокойся, – Лаура почувствовала, как холод, поднимаясь по спине, добрался до шеи, и поняла, что сейчас произойдет что-то очень важное.

15

За глаза лейтенанта Феликса Порто из ДЭТП называли «Пуаро», намекая на его сходство со знаменитым детективом-бельгийцем Агаты Кристи. У Дэна не вызывало сомнений, что Порто мнит себя Шерлоком Холмсом, несмотря на толстенькие ножки, приличный животик, покатые плечи, лицо Санта-Клауса и лысую, с высоким лбом голову. Чтобы больше соответствовать желанному образу, Порто практически не расставался с трубкой, которую набивал ароматизированным табаком.

Трубка не дымилась, когда Дэн вошел в кабинет, но Порто ухватил ее из пепельницы и использовал для того, чтобы указать на стул.

– Присядь, Дэн, присядь. Разумеется, я тебя ждал. Знал, что ты придешь сюда, чтобы справиться о моих находках в том доме в Студио-Сити.

– Отдаю должное твоей проницательности, Феликс.

Порто откинулся на спинку стула.

– Необычное это дело, удивительное. Естественно, на подготовку официального заключения моей лаборатории потребуется несколько дней, – он всегда говорил «*моя лаборатория*», как будто не руководил командой экспертов полицейского управления большого города, а проводил эксперименты в комнатенке своих апартаментов на Бейкер-стрит. – Однако я могу, если хочешь, поделиться с тобой некоторыми предварительными результатами.

– За это я тебе буду крайне признателен.

Порто прикусил мундштук, бросил на Дэна озорной взгляд, улыбнулся:

– Ты надо мной насмехаешься, Дэниэль.

– Никогда в жизни.

– Да. Ты насмехаешься над всеми.

– Тебя послушать, так я – противный, ехидный тип.

– Ты ехидный.

– Премного тебе благодарен.

– Ехидный, но не противный. Остроумный, умный, обаятельный, а это совсем другое дело.

– Теперь получается, что я – Гэри Грант.

– А разве ты не ассоциируешь себя с ним?

Дэн задумался:

– Возможно, наполовину я – Гэри Грант, а на вторую половину, во всяком случае сейчас, Уайл⁸ Э. Койот.

– Это еще кто?

– Койот из мультфильмов про калифорнийскую кукушку.

⁸ Уайл – от английского Wile (злой).

– Понятно. А почему?

– У меня такое ощущение, что огромный валун перекатился через край обрыва прямо надо мной, уже падает вниз и вот-вот раздавит меня.

– Валун – это самое расследование.

– Да. Есть у тебя отпечатки пальцев, которые могут нам помочь?

Порто выдвинул ящик стола, достал табачный кисет:

– Множество отпечатков, принадлежащих трем жертвам. По всему дому. Другие – маленькой девочки. Но их нашли только в реконструированном гараже.

– В лаборатории.

– Серой комнате, как назвал ее один из моих людей.

– Ее держали там постоянно?

– Это самый логичный вывод, да. Мы нашли несколько ее пальчиков в туалете, что находится в коридоре, но нигде больше.

– И это все? Никаких отпечатков пальцев, которые могли бы принадлежать киллерам?

– Нет, конечно, мы нашли еще множество отпечатков и сейчас прогоняем их через высокоскоростную компьютерную программу, позволяющую сравнить найденные отпечатки пальцев с имеющимися в картотеке отпечатками пальцев преступников, но пока результата нет. И, боюсь, не будет. – Он замолчал, начал набивать табаком трубку. – Скажи мне, Дэниэль, как часто, по твоему опыту, убийца оставлял на месте преступления четкие, легко идентифицируемые отпечатки пальцев?

– Дважды, – ответил Дэн. – За четырнадцать лет. Значит, от отпечатков помощи ждать не приходится. Что еще у нас есть?

Порто раскурил трубку, выдохнул струю ароматного дыма, потушил спичку.

– Оружия не найдено.

– Один из убитых держал в руке каминную кочергу.

Порто кивнул.

– Мистер Купер, судя по всему, пытался ею защититься. Но он никого не ударил. На кочерге кровь только Купера, да и то несколько капель. Она же брызнула во все стороны, на пол, на стены. Попала и на кочергу.

– Значит, Купер не успел ударить кочергой кого-нибудь из убийц, но и его били не кочергой.

– Совершенно верно.

– А что твои люди собрали пылесосом, помимо пыли?

– Анализ еще не закончен. Но, откровенно говоря, оптимизма я не испытываю.

Обычно Порто излучал оптимизм, еще одна холмсовская черта, поэтому его пессимизм относительно расследования, которое вел Холдейн, настораживал.

– А что нашли под ногтями убитых? – спросил Дэн.

– Ничего интересного. Ни кожи, ни волос, ни крови, за исключением собственной. Это означает, что у них не было шанса добраться до своих убийц.

– Но убийцы не могли не приблизиться к ним вплотную. Я хочу сказать, Феликс, они же забили этих троих до смерти.

– Да. Но, хотя они и приблизились вплотную, ни один из них не получил ни малейших повреждений. Мы взяли десятки образцов крови, с каждой поверхности во всех комнатах, чтобы выяснить, что вся кровь принадлежит убитым.

Они посидели в молчании.

Порто выдыхал все новые клубы дыма. Глаза его затуманились, словно он размышлял над полученными уликами, и если бы он, как Шерлок, играл на скрипке, то обязательно потянулся бы за инструментом.

Затянувшееся молчание прервал Дэн:

– Как я понимаю, ты видел фотографии тел.
– Да. Ужасно. Невероятно. Такая дикая ярость.
– У тебя возникло ощущение, что это таинственное убийство.
– Дэниэль, я нахожу все убийства таинственными.
– Но это представляется мне более таинственным, чем другие.
– Оно более таинственное, – согласился Порто и улыбнулся, словно трудности его только радовали.
– У меня от него мурашки бегут по коже.
– Берегитесь падающего валуна, мистер Койот.
Дэн оставил лейтенанта ДЭТП в облаке ароматного дыма и на лифте спустился вниз, на этот раз в подвал, где работали патологоанатомы.

16

Все еще загипнотизированная, девочка воскликнула: «Нет!»
– Мелани, сладенькая, успокойся, пожалуйста, успокойся. Никто больше тебя не обидит.
Девочка мотала головой, задышала быстро и часто, что свидетельствовало об охватившей ее панике. Вопль страха и ужаса застрял в горле, вырвался лишь жалким, пронзительным: «И-и-и-и-и». Она задержалась, пытаясь слезть с колен матери.
Лаура удерживала ее.
– Перестань дергаться, Мелани. Расслабься. Успокойся. Все будет хорошо.
Внезапно девочка ударила воображаемого нападавшего, выбросив вперед обе руки. Не ведая того, нанесла матери два сильных и болезненных удара. В грудь и лицо.
На мгновение Лаура застыла. Удар в лицо вышел таким сильным, что на глазах от боли выступили слезы.
Девочка скатилась с колен матери на пол и поползла от дивана.
– Мелани, остановись!
Несмотря на постгипнотическое внушение, требующее от девочки реагировать и повиноваться командам Лауры, Мелани приказ проигнорировала. Проползла мимо кресла-качалки, издавая животные звуки беспредельного ужаса.
Кот, сидевший на кресле-качалке, прижав уши к голове, тоже зашипел от страха. Когда Мелани проползала мимо кресла, перепрыгнул через нее, приземлился на пол и стремглав выскочил из кабинета.
Девочка исчезла за столом.
Лаура тоже обошла стол. Левую щеку еще саднило в том месте, куда ударил кулак Мелани. Мелани забралась в нишу между тумбами и спряталась там. Девочка сидела, подтянув колени к груди, обхватив ноги руками, сгорбившись, положив подбородок на колени, уставившись перед собой широко раскрытыми глазами, не видя ни Лауры, ни кабинета.
– Сладенькая?
Жадно лоя ртом воздух, словно она долго и быстро бежала, девочка выдохнула:
– Не дай ей... открыться. Держи... закрытой... плотно закрытой.
Эрл Бентон возник на пороге.
– Вы в порядке?
Лаура посмотрела на него поверх стола.
– Да... просто моя дочь... но у нее все будет хорошо.
– Вы уверены? Моя помощь не нужна?
– Нет, нет. Мне нужно побыть с ней вдвоем. Я справлюсь.
С неохотой Бентон вернулся в гостиную.

Лаура вновь заглянула под стол. Мелани по-прежнему тяжело дышала, но теперь еще и дрожала всем телом. Из глаз по щекам струились слезы.

– Вылезай оттуда, сладенькая.

Девочка не шевельнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.